

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 59

**«Россия —
литературоцентричная страна?»**

Москва ■

2013

Круглый стол
20 декабря 2012 года

«Россия — литературоцентричная страна?»

Участники обсуждения:

Аннинский Лев Александрович,
писатель, публицист

Балдин Андрей Николаевич,
архитектор, книжный график, эссеист, финалист конкурсов
«Национальная премия «Большая книга» (2009, 2010 гг.)

Бортко Владимир Владимирович,
заместитель председателя Комитета ГД РФ по культуре; кинорежиссер,
народный артист России

Голубев Александр Владимирович,
руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института
российской истории РАН

Зимин Дмитрий Борисович,
президент Фонда некоммерческих программ «Династия»

Иванова Наталья Борисовна,
первый заместитель главного редактора журнала «Знамя»,
литературный критик, литературовед

Мазурик Виктор Петрович,
доцент кафедры японской филологии ИСАА
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Москвин-Тарханов Михаил Иванович,
председатель Комиссии Мосгордумы по перспективному
строительству и градостроительству; попечитель и преподаватель
Пушкинского лицея № 1500

Николенко Татьяна Гордеевна,
директор биологических программ ГК «РоснаноТех»

Привалов Александр Николаевич,
вице-президент Никитского клуба; научный редактор журнала «Эксперт»; член жюри Национальной премии «Большая книга»

Северинов Константин Викторович,
заведующий лабораториями Института молекулярной генетики РАН и Института биологии гена РАН, профессор Института микробиологии Waksman, Университет Ратгерса (США)

Тамбовцев Виталий Леонидович,
профессор экономического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова

Фокин Кирилл Валерьевич,
студент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Чернихов Андрей Александрович,
руководитель Архитектурно-дизайнерской студии Андрея Чернихова; вице-президент Московского отделения МААМ (Международная академия архитектуры)

Шумейко Игорь Николаевич,
историк, писатель

Юзефович Леонид Абрамович,
писатель, сценарист, историк

Заседание вёл **А. Н. Привалов**, вице-президент Никитского клуба, научный редактор журнала «Эксперт», член жюри Национальной премии «Большая книга».

А. Н. Привалов

Добрый вечер, господа! Сегодня у нас завершающее в этом году заседание Никитского клуба. Мы собрались обсудить литературоцентричная ли страна Россия. У нас будет два вступительных доклада — Льва Александровича Аннинского и Андрея Николаевича Балдина.

По замыслу, перед началом заседания должна была быть показана передача «Очевидное-невероятное. XXI век», снятая в 1997 году, где бесменный ведущий Сергей Петрович Капица обсуждал с двумя гостями, один из которых Лев Александрович Аннинский, перспективы «информационного потопа», ожидавшегося в связи с развитием Интернета и прочих компьютерных чудес. Из-за технических неполадок показать программу не получилось, но я думаю, вы поверите мне на слово, а присутствующий здесь Лев Александрович легко подтвердит.

Люди, обсуждая возможности информационного потопа и как в нём ориентироваться, как спасти очаги культуры в этом наводнении, не того боялись, чего, оказалось, надо бояться сейчас, через 15 лет. Например, они обсуждали, вот как оцифровать бы одну только «Войну и мир», и когда же вся сокровищница литературы появится в сети. Сокровищница литературы, не скажу вся, — англоязычная вся, а русскоязычная почти вся, — давно в сети, а счастья нет. Не того надо было бояться. Бояться надо было другого, чего Интернет не суть, а орудие.

Мы сейчас будем обсуждать тезис о литературоцентричности России, а я по невежеству своему не знаю, кто первый произнёс это многосложное слово. Наверное, кто-нибудь сегодня скажет, кто произнёс его первым, но это было произнесено во времена, когда была актуальна некая вещь, которую мы для краткости называем великая русская литература. Великая русская литература находилась в центре мировых интеллектуальных событий. Больше того — там, где она была, там и был центр. Сегодняшняя русская литература как-то глубоко и откровенно маргинальна. В мире её не знают и не видят. И я с трудом себе представляю, с какого перепуту в мире её стали бы особенно рассматривать. Не к тому, что у нас недаровитые люди работают. Даровитые, конечно. Но каким-то образом мы из мейнстрима-то выпали.

Я только что участвовал наряду, наверное, со многими здесь присутствующими в работе большого жюри, такого дилетантского жюри конкурса «Большая книга», и в качестве такового я прочёл четырнадцать книг подряд. Да, мне было нелегко. Да, это не право, а обязанность. На мой сугубо дилетантский взгляд, из этих четырнадцати книг четыре были просто

приличные и хорошие. Это очень сильный процент. Это же совершенно не стыдно, по-моему. Нигде не стыдно. Но я не видел из этих четырнадцати, — а их отбирали люди из моря, это не просто четырнадцать первых попавшихся, а четырнадцать книг, выделяющихся из потока, — я не могу себе представить ни одной, которая могла бы стать международным событием, которая могла бы получить международную, а не московскую премию. Просто не вижу. В этом смысле мы совершенно маргинализировались.

Дальше. Мы рассказывали друг другу (тут уж я точно не вспомню, кто первый это сказал), что мы самая читающая нация в мире, независимо от того, насколько это было правдой. Может быть, не очень это было правдой, но какие-то основания для этого утверждения, безусловно, были. Все, кто старше 30–40 лет, это прекрасно помнят. Сейчас у нас, по данным, не знаю, насколько достоверным, но тоже правдоподобным, средний россиянин уделяет чтению — чтению вообще, включая телегиды, биржевые сводки, — так вот чтению вообще средний россиянин посвящает 36 минут в неделю. Чтобы вы особенно не убивались, я скажу, что англичанин — то ли 48, то ли 49 минут. Больше, но не принципиально.

Почему всё так получилось? На мой взгляд, это интересно, потому что перемена — кардинальная. Были литературоцентричной страной, в каком-то смысле всего 100 лет назад были центром литературного мира или одним из центров, были самой читающей страной, — стало 36 минут. В чём дело, как это происходит? Есть какие-то частные ответы, понятно. Понятно, что литература, понимаемая значительным большинством населения как один из видов досуга, забавы, безнадежно проиграла конкуренцию другим видам досуга и забавы — компьютерным играм, социальным сетям и т.д., порнофильмам, сериалам.

Второе — мы дружным натиском убили гуманитарное образование в школе. Сейчас мы ещё немножко поработаем и убьём гуманитарное образование в высшей школе. По-видимому, в этом был некий смысл — не в том, что мы его убили, а в том, что оно было. Был некий смысл. Одно время были очень модны восклицания: «Эта чёртова литература в школе, мне на всю жизнь отравили Чехова, я не могу открыть Пушкина!» Всё это было постыдное бла-бла-бла. Если тебе взрослому не хватало ума преодолеть воспоминание о плохой учительнице и заново прочесть Чехова, — это твоя проблема. Людей в школе насильственно — иногда не очень насильственно, иногда совсем насильственно — приучали читать длинный текст, читать и примерно понимать, о чём он написан. Ведь человек никогда в жизни не прочтёт, например, учебник

Привалов А. Н.

по квантовой физике, если он даже «Капитанской дочери» не прочёл. Потому что квантовая физика написана хуже, читать её труднее. Вот то, что всё это дело разбито, наверное, не очень хорошо.

Но только ли в этом дело? Я так понимаю, что обе названные мною причины, конечно, частные. Конечно, они вытекают из более общей. Например, из того, что литературоцентричность России (сколько уж там она была) вытекала из некоей вполне конкретной иерархии национальных ценностей, и именно слом этой иерархии повлёк за собой и торжество сериалов и компьютерных игр, и убийство гуманитарных наук в общем образовании. Но это тоже как-то надо осознать. К этому, по-моему, ещё никто не приступил.

Я не призываю уважаемых докладчиков отвечать на мои вопросительные восклицания. Они прекрасно знают, что собираются сказать. Наверняка это будет интересно. Но я призываю попытаться невесёлую

тему, которую нам сегодня предстоит обсуждать, расцветить какими-то искрами надежды. Я не знаю, откуда вы их возьмёте. Не возьмёте — значит, не вышло. Но если такой шанс есть, я бы очень хотел, чтобы вы не оставили его неиспользованным.

С вашего позволения я предоставляю слово Льву Александровичу Аннинскому [писатель, публицист]. Прошу Вас!

Л. А. Аннинский

В том, что мне предстоит сейчас сделать, меня смущает слово «доклад». Оно по природе настолько мне не близко, что, вы уж извините, если это будет не доклад, а просто нормальный разговор о том, что меня в данном случае трогает. В данном случае меня трогает следующее.

Сформулирована замечательная тема о литературоцентричности нашей культуры. Причём вопрос состоит не в том, хороша ли эта тема, а в том, почему её вдруг сейчас сформулировали. Что произошло, почему именно сейчас мы задумались: а мы, вообще-то говоря, заслуживаем быть — введу ещё одно определение — «народом Книги»? Оно не к нам относится, оно относится к иудеям, которых так определил Мохаммед, — не свой исламский народ, а иудеев. И правильно определил, и объяснил почему. «Народ Книги» — мы себя тоже как-то примеряли к этому понятию, поскольку у нас литературоцентричная ситуация.

Так вот, вопрос о литературоцентричности оказался актуальным, потому что эта ситуация не то чтобы уже исчезла, но вот-вот исчезнет, потому что народ явно перестаёт читать. Не буду сейчас сравнивать нас с англичанами или австралийцами. Мне интересно, что *русские* люди перестают читать. Пятьдесят лет назад никому в голову не приходило это обсуждать. Ну какие 50, — даже 15 лет назад было совершенно ясно, что все, и мальчики и девочки, в принципе хотели бы стать писателями. Им просто неловко было говорить об этом. Они говорили другое: мальчики говорили, что они хотят стать космонавтами, а девочки говорили, что они хотят стать балеринами. И это тоже было естественно, как то, что все они, в принципе, читают и хотели бы тоже, чтобы их читали.

Прошло лет 10–15. Я преподаю в трёх университетах и знаю по составу студенчества, как меняются поколения. Пришло новое поколение, мальчики которого сказали, что они не хотят быть космонавтами, а хотят быть финансистами, а девочки хотят быть... Дальше они произносили слово, значение которого я не знал: они хотят быть путанами. Я побежал выяснять, что такое «путаны». Мне объяснили.

Сейчас поколение очередной раз меняется, и приходят молодые люди, которые спрашивают: «А что, собственно, произошло, почему нам сказали, что тогда ничего не было?». Я говорю: «А кто вам сказал, что тогда, — то есть при советской власти, — ничего не было?». «Как? Нам сказали это наши учителя». У меня с Максимом Лаврентьевым [русский поэт, литературовед] был такой разговор. Он посмотрел мои телепередачи о первых советских классиках. «Как интересно, — сказал он, — оказывается, там столько всего было! А мы думали, что там ничего не было». А теперь спрашивают: «Ну-ка расскажите, что там было».

Но вот интересно, если мы расскажем, что там было, — литературоцентричность некоторым образом вернётся или нет? У меня на этот счёт есть некоторые сомнения. Почему? Скажу так. Сколько времени Россия могла бы говорить о себе, что у неё литературоцентричная культурная ситуация? Да я думаю с Феофана Прокоповича¹, а пораньше-то вряд ли. Читайте «Умозрение в красках» — о том, что русские люди совершенно спокойно из колористической гаммы иконы выясняли, что хорошо, что плохо, что им делать, чего ждать и т.д. Необязательно было при этом ещё что-то в словах передавать. А в словах только одно и талдычили: «Аз есмь червь. Червь, сиречь животино, скот. Сиречь: аз есмь скот»². Правильно, ну, и говорили: «Вот ты скот, ну и живи, как скот. Есть барин, а ты быдло». И больше слов не надо было.

Потом что-то произошло, и литература выдвинулась на первое место. Произошло это так странно, я бы даже сказал, неожиданно. Полвека назад никому в голову не пришло бы спрашивать: а литература у нас в центре? Конечно, в центре! «Вставай, страна огромная», — кто написал? Очень интересный вопрос, кто это написал. Не буду вас сейчас втягивать в разговор об этом. Но все пели, был текст, который все пели.

А 100 лет назад? А 100 лет назад был юбилей 1812 года. Именно тогда произошло то, о чём потом Вадим Кожин³ сказал: «Да в сущности никакого 1812 года в памяти уже нет. А есть „Война и мир“ Толстого». Это абсолютно литературоцентричное явление. И в 42-м году мы, как

---

¹ Архиепископ Феофан (в миру Елеазар Прокопович; 1681–1736) — епископ Православной Российской Церкви, государственный деятель, выдающийся писатель, публицист, поэт; сподвижник Петра I.

² Д. И. Фонвизин. «Недоросль».

³ Кожин Вадим Валерианович (1930–2001) — советский и российский философ истории, литературовед.

Аннинский Л. А.

известно, отступали в «Войну и мир», потому что больше было некуда.

Вот такая была ситуация. Чем она вызвана? Попробуем выяснить. Я возвращаю вас к ситуации «народа Книги». Как только Мохаммед это сказал про евреев, среди евреев раздались противоположные голоса: Тора создала народ Книги или народ Книги создал Тору и в неё верит? Этот вопрос не решён до сих пор. Но факт тот, что народ Книги был в истории, он отчасти есть и сейчас. Из текстов Книги возобновили язык, который был практически умершим. Сейчас этот язык государственный [иврит, Израиль]. Но это не мы, это они. А у нас-то что? А у нас произошло следующее.

После Петра что-то произошло в сознании общества, — сначала боро-датого общества, потом побритого, — произошло что-то, что впослед-ствии, вплоть до моего поколения, было само собой естественно: надо хорошо писать. Великие поэты моего поколения, уже уходящие или

ушедшие. Владимир Соколов⁴. Ведь как это Пушкина убили?! Да он же писал лучше всех, а его убили:

Убит. Убит. Подумать! Пушкин...
Не может быть! Всё может быть...
«Ах, Яковлев, — писал Матюшкин, —
Как мог ты это допустить!
Ах, Яковлев, как ты позволил,
Куда глядел ты! Видит бог,
Как мир наш тесный обездолил.
Ах, Яковлев...». А что он мог?

...

(«Стихи о Пушкине».)

Вот с чего начиналось. Пришёл Владимир Корнилов⁵, рассказал, что убили Лермонтова, который писал лучше Мартынова, и всё-таки его убили:

Тогда судьба растроганною мачехой
Склоняется к простреленному лбу,
И по ночам поэмы пишут мальчики,
Надеясь на похожую судьбу.

Это было написано в 1948 году, стихотворение «Лермонтов». Молоденький ещё Владимир Корнилов. Потом возникла Белла Ахмадулина:

...

Но как же так! По всем приметам
Другой там выиграл, другой,
Не тот, кто на снегу примятом
Лежал курчавой головой!

...

Дантес лежал среди сугроба,
Подняться не умел с земли,

---

⁴ Соколов Владимир Николаевич (1928–1997) — русский советский поэт, эссеист, переводчик.

⁵ Корнилов Владимир Николаевич (1928–2002) — советский российский поэт, писатель, критик.

А мимо медленно, сурово,
Не оглянувшись, люди шли.

...

(«Дуэль». 1962)

Будем выяснять, чего стрелялись, чего Лермонтов стрелялся с Мартыновым, кто там больше виноват? Да, Мартынов больше Лермонтова обижал, чем Лермонтов Мартынова. Но, конечно, Лермонтов лучше писал. И Пушкин, конечно, писал лучше Дантеса. Однако дочь Дантеса сошла с ума на покаянии, что убит великий поэт, — они тоже были заражены этим.

Значит, дело в том, кто лучше пишет. Так вот, если посмотреть это наше литературоцентричное столетие, так, знаете, поневоле вспомнишь Василия Васильевича Розанова, который сказал, что в три дня рухнула Великая Российская империя в 1917 году, потому что писатели никак не могли решить, кто из них лучше пишет. Я мог сколько угодно пожимать плечами по поводу этой остроты, но что-то такое было: главное — лучше писать.

И вот у нас за это литературоцентричное столетие возникло такое самоощущение: главное, чтобы написано было хорошо. Поэтому мы всё время пишем параллельно — чеки, описи того, чего, кто где и что сделал. Мы всё время пишем параллельно какую-то «Войну и мир», правда, на косноязычном наречии. И без конца всё переименовываем. Мы — народ, для которого названия, слово значит куда больше, чем суть или дело. Суть-то он ищет, но — бесконечная чесотка переименований. Мы убеждены, что раз переименовали очередной раз нашу столицу — это уже другая столица.

Вот такая была у нас литературоцентричность. И она была настолько естественна, что мы не знали ничего другого и не подозревали, что что-то другое бывает. Бывает! Я, когда прочёл у Флоренского насчёт умозрения в красках, то понял, что у нас всего только и есть 100 лет таких. А что было до этого? Было всё, кроме одного: не было великой литературы. Была словесность, религиозность, было Священное Предание, которое превратилось в Священное Писание, и т.д.

Что теперь? А теперь почему-то всё это оборвалось. Можно придумать, почему оборвалось: ну, конечно, появились компьютеры, вовсе не обязательно листать книгу, для того чтобы что-то почитать. Я вам скажу так. Компьютер — замечательное приспособление, чтобы выяснить, где что

лежит. Чтобы понять в этом гигантском скоплении информации, где что искать, — искать лучше всего с помощью компьютера, Интернета и прочее. Мгновенно найдёшь. И тебе скажут: «Вот „Война и мир“, читай». Вы будете с экрана читать «Войну и мир»? Может быть, и можно, особенно если часами стоишь в пробке.

Сейчас нам предлагается совершенно другое чтение, сейчас и возникает другое чтение. Мы никогда ещё в такой ситуации не жили. Интересно, а куда денется книга? А зачем книга, когда есть текст на экране? Книга существует несколько столетий, в реальной жизни людей книга стала живым существом. Ты её листаешь, ты чувствуешь её тепло. Прочитанная тобой, она становится для тебя другой, родной. Ты можешь где-то галочки поставить, возвращаться к прочитанному.

Одним словом, хотят искоренить из нашего сознания отношение к книге как к собеседнику, к живому существу! Если удастся, — ну, тогда мне вообще нечего будет делать. Что, мне в экран писать, что ли? Или с экрана читать тоже? Посмотрите это ЖЖ, или как его там, как они самовыражаются: какой-то бесконечный «забор», на котором можно писать всё что угодно! И никто не прочтёт то, что пишут. А прочтёт, так тоже руками разведёт. Вот на какой почве мы сейчас стоим.

Ситуация драматичная и, я бы сказал, непредсказуемая. Народ весь XIX век жил книгой, в XX веке тоже жил книгами, только другими — социалистическими, советскими, какими угодно, но книгами. А те, кто этими книгами не хотели жить, поехали за границу и там писали против этих книг. И всё равно это было литературоцентричное состязание истин.

Что теперь? Теперь вроде много чего издаётся. Издать можно всё что угодно. Издать — легко. Прозвучать трудно, потому что никто никого не слышит. Издаются замечательные книги. В числе всякой муры и среднего толка, о чём уже было сказано, издаются очень хорошие книги — и давно написанные, и недавно написанные, и новые. Я работаю в двух журналах и знаю, какие издаются книги. Тексты пишутся интересные. Народ как был талантлив, так и остался. По Ленину, «мы, русский народ, по преимуществу талантливый, умников у нас маловато...». Умников-то у нас по-прежнему маловато, а талантливых пруд пруди. А если что-то за эти 200 лет действительно произошло реального, так сначала царская Россия пыталась некоторым образом образовать нижние слои населения хоть какой-то грамоте. Наконец, выгнали. Советская власть докончила этот замечательный процесс. Начальное образование получило

огромное количество людей ранее просто безграмотных. Дальше пришли ударники в литературу и т.д.

Всё это было хорошо, потому что это было лучше, чем ничего. А теперь мы имеем вот что: огромное количество людей могли бы читать, но не читают; огромное количество людей могут писать и пишут, а их не читают. Получается, что серьёзная литература, и поэзия и проза, и особенно публицистика, которая сейчас интереснее всего во всяком случае, поскольку я её читаю, — всё это задвинуто куда-то в нечитабельное пространство. Не имеет сбыта. Библиотеки не получают журналов. Журналы сидят без денег (по собственному опыту знаю). А что издаётся-то? Что читается? Издаётся на потребу. Издатель теперь может издать только то, что он быстро продаст. И люди, которые соображают, что делать, чтобы сбыть то, что они пишут, — люди эти пишут так, чтобы быстрее сбыть. На сезон. И кино в такой же ситуации. Интересно, Достоевский писал свои вещи на сезон? Или Толстой? Или Тургенев? Они на вечность писали, благодаря чему мы и имеем великую культуру. А теперь — на сезон.

Огромное количество печатной продукции, которая выкидывается, потому что прочитано или нет — резонанса никакого. Обслуга — потребление. Я не буду брать всю тысячелетнюю историю. Россия за тысячелетие столько взаимоисключающих этапов прошла, что и не поймёшь. Но, тем не менее, за последние 200 лет никогда потребление не было сверхзадачей национальной культуры в России. Страдание было, преодоление страдания было, борьба внутренняя с бессмысленностью жизни была, ненависть к любым властям, отечественным или приходящим на танках к нам из чужбин, — всё это было. Но потребление — это какая-то непонятно откуда взявшаяся химера, которой сроду не было!

Получилось, что две мировые войны за плечами, — выжили. В первой выжили ценой разрушения государства до основания, а затем сделали то же самое, только лучше, жёстче, страшнее. Вторую мировую войну выиграли страшной ценой — никак не успокоимся, кто виноват, что такой большой ценой. А ещё третью мировую войну ждали полвека. Наконец, перестали ждать. Можно уже, наконец, поесть: на телевидении без конца булькают, наливают, из тарелок чего-то жуют, глотают! Никак не наедемся. У нас никогда не было такой сверхзадачи. Теперь будет?

Непонятно, неизвестно, что будет. Неизвестно, что будет вообще с человечеством. Пусть мне философы расскажут, что с нами будет.

Жалко, нет Сергея Петровича [Капицы]. Он немножечко думал об этом и говорил, что нас ожидает. Не нас. Мы вообще уже где-то то ли на периферии, то ли непонятно где. Россия перестала быть формирующей национальной культурой. Она борется за то, чтобы сохранилась как региональная культура. Русский язык тоже борется, как бы его не оттеснили ещё дальше: слишком трудный, слишком много суффиксы значат, корни меньше, чем суффиксы. Но для нашего народа это естественно. Мы народ эмоциональный, а чтобы дело делать, суффиксы не нужны. Корни нужны. А с корнем лучше не в русскую речь идти. Она для искусства хороша. Читайте во вступлении к «Лолите» Набокова — он там всё объяснил, что по-русски лучше писать, а что — на английском.

Что будет дальше с человечеством, никто не знает. Оно само не знает. И лучше не знать, потому что что-то произойдёт, и придётся заново переживать огромной ценой все основные ценности. Непонятно, что произойдёт с нами тут, потому что меняется региональное соотношение, гигантские столкновения разных сил. Между глобализмом и регионализмом идёт новая необъявленная война. И чем она обернётся для России — непонятно. Непонятно, потому что непонятно, какую роль мы будем играть. Мировую роль уже сыграли. Чего это нам стоило — видим: цена страшная. А не будем играть мировую роль, — какую культуру вы тогда хотите? Литературоцентричную? Не знаю.

Одним словом, я настроен в этом смысле достаточно фаталистично. Если литература выпадет из центра культуры, мне вообще тогда нечего будет делать. Я весь создан этим. И уважением к слову, веруя в то, что слово было, — допустим, я атеист, — слово было у Бога, которого нет. Но оно было у кого-то, которого нет, и оно в этом смысле является финальной формулой истины. К истине пути неведомы.

Истина недостижима, но у каждого своя правда. У русских — своя, у немцев — своя. Вот и решите тогда, кто в 1942 году прав. Каждый со своей правдой идёт, и убеждён, что к истине. Истина недостижима. А правда у каждого своя. И неизвестно, где какие правды возникнут. Может, мусульманская правда возникнет. А может, возникнет противостояние Севера и Юга, которого сроду не было. Восток и Запад — да, пожалуйста. На Западе — закон, на Востоке — сила. А русские — между. По закону жить не можем. Живём по благодати.

Непонятно, какую роль будет играть Россия. Какая будет культура? Да вот какая будет, такая будет. Я в этом смысле фаталист. Сейчас

в литературе вообще перекликаются такие невероятные концы, в той же прозе. Допустим, один человек делает всё, чтобы его узнало побольше публики. Он этой публике хочет угождать. Его зовут Сергей. А другой, тоже писатель, которого зовут Борис, на публику не обращает особого внимания, а пишет исповедь своего поколения. Что их связывает? Да только фамилия: Минаев. Сергей Минаев работает на публику. Борис Минаев работает на истину. Вот в каком положении находится наша литературоцентричная по происхождению культура.

Единственное, что я могу сказать в заключение, чтобы не казаться уж таким жутким фаталистом. Вы знаете, великая культура создаётся на великих страданиях. Всё остальное — это цивилизация, это обслуживание, это удовлетворение без конца растущих потребностей, что у нас сейчас может оказаться сверхзадачей. Никогда русские не жили с такой сверхзадачей, а придётся — ну что делать! Будем обедать три раза в день, пока не лопнем. А великая культура, надо знать, даётся великим страданием. Я моему народу страдания не желаю. Но я понимаю, что если что-то произойдёт, — придётся это выстрадать. И великую культуру, которая потребует великих слов.

А. Н. Привалов

Спасибо, Лев Александрович. Вы, возможно даже сами того не заметив, на мою просьбу отреагировали. Я просил найти искры оптимизма. Вы нашли очень яркую искру оптимизма: мы даже не знаем, что с нами будет, и это хорошо. Это действительно оптимизм.

Л. А. Аннинский

Когда мы строили коммунизм, мы очень хорошо знали, что с нами будет.

А. Н. Привалов

Лев Александрович, мы с Вами почти ровесники — не так мы хорошо знали, что с нами будет.

Я бы только хотел сказать насчёт чтения «Войны и мира» на ридере, с экрана. Я в своей жизни перечёл «Войну и мир» раз тридцать. У меня было несколько десятилетий, когда я ежегодно её перечитывал. Так сложилась жизнь. Последний раз я её перечёл в прошлом году на ридере. Ничего страшного. Примерно то же самое. Книга — лучше, никакого спору. Но можно перечесть и на ридере, особенно в отпуске.

Сейчас, на мой взгляд, всё гораздо жёстче, чем мне самому казалось года два-три назад, когда я говорил похожие с Вашими слова. Поздно говорить о том, что надо спасать книгу как объект поклонения, как почти живое существо. Надо спасать чтение вообще. Глубоко наплевать, как люди будут читать, если они будут читать, — с экрана, со страниц книг. Даже наплевать, будут они читать оплаченные тексты или пиратские ворованные, — даже на это наплевать. Спасать надо чтение как часть жизни. Оно сейчас под страшной угрозой, на мой взгляд. Но я, тем не менее, прошу следующего нашего выступающего — не говорю, докладчика — тоже искать искры оптимизма.

Андрей Николаевич Балдин [архитектор, книжный график, эссеист, главный редактор «Путевого журнала»]. Прошу Вас!

А. Н. Балдин

Спасибо. В данном случае, если как-то нас разделять с Львом Александровичем, я вынужден признать, что я внелитературный человек. Лев Александрович, безусловно, внутрилитературный человек. Я попробую рассказать, как феномен русского литературоцентризма выглядит извне, с точки зрения грубо мыслящего архитектора, у которого в голове постоянно что-то сочленяется и системно громоздится.

В этом ракурсе история литературоцентризма в России выглядит достаточно закономерной. И нынешний кризис этого явления также вполне логичен. И, как ни странно, именно в этом я вижу некоторую надежду на будущее.

Единственное — хотелось бы начать с некоторого уточнения термина. Дело в том, что я лет тридцать общаюсь с литераторами, людьми книги, и у меня сложилось достаточно определённое впечатление о представителях этого цеха. Это любимые мною люди, очень нежные и трепетные и, как я давно заподозрил, верующие. Я понял, что общаюсь с людьми очень и очень своеобразной конфессии. Мне даже кажется, что я своими внелитературными расшифровками, чертежами и словорасчленениями часто их раню. Если суммировать их реакцию, получится примерно следующее: «Как можно наши трепеты, наши душевные струения мерить кубами и километрами? Мы творим в ином пространстве». Или: можно ли судьбы литераторов, их тайные брожения и душевные маршруты раскладывать по географической карте? Да, наверное, это грубо и схематично. Вот и сейчас я хочу изложить некую схему — быстро, пунктиром. Заранее прошу прощения за вивисекцию.

Итак, о термине. Я попытаюсь рассказать историю — но не литературоцентризма, а скорее, *литературоцерквизма*. Неудачный термин, грубый, но, надеюсь, понятный.

(В ответ на реплику.) Какой есть, да.

Отправная точка такова. Литературная вера родилась у нас после перевода Библии на русский язык. 1809–1814 гг. (У нас уже возникала эта тема в связи с обсуждением событий 1812 года.) Перевод Библии как культуuroобразующее явление по понятным причинам советской фундаментальной наукой не было всерьёз исследован. Но сам этот пункт в нашей истории представляется очень важным.

Безусловно, России всегда была склонна к литературоцентризму. Россия — земля слова, самый юный из трёх Римов, который получал предания и образцы только через текст, поэтому Россия, образно говоря, стоит на слове. В силу этого предрасположенность к литературоцентризму у неё была изначально. Однако в начале XIX века произошло качественное изменение ситуации, некий резонансный эффект, приведший к появлению нового, современного русского языка. И есть определённые основания предполагать, что это было связано с переводом Библии на русский язык. Можно судить по опыту других стран, что такое перевод Писания на национальный язык. Кстати, русский перевод был инициирован англичанами из Библейского общества, основавшего в 1804 году в Петербурге свой филиал.

Перевод сказался неявно, скрыто, через особого рода грамматическое воздействие, игру времён в письменном языке, которая привела к его конструктивному изменению, если угодно, модернизации, ускорению. Он освоил настоящее время, стал поспевать за живой речью и пр. Если свести эту переменную времён в письме к простой пространственной формуле (вот она, грубость архитектора!), выйдет так. Прежний, церковно-славянский перевод Библии относил Христа на две тысячи лет назад, образно — на ту сторону страницы. Новый перевод грамматически перенёс Христа в наше время, по эту сторону страницы. Христос стал виден, стал «сейчас». Именно формула «Христос здесь и сейчас» совершила национальные революции сознания в Европе, привела к появлению целого семейства протестантских церквей.

Совершилась подобная революция и в России. Только у нас это не привело к созданию протестантских конфессий. В России это выразилось в своеобразной литературной революции и — к указанному литературоцерквизму. Перевод легитимизировал, освятил новый язык. С этого

Балдин А. Н.

момента можно писать так: не святым, а уличным, устным языком — о святом, возвышенном, умозрительном. Эта санкция освободила язык, дала ему высшие полномочия, и Россия уверовала в него. Важнейшее, хоть и скрытое действие: возникновение литературной веры.

Для нас знаковым событием той эпохи является война 1812 года. Однако фоновым (сознаниеобразующим) событием тех лет стала именно эта внутренняя грамматическая революция. Она, кстати, отчасти выразилась и явно — в горячем споре о языке, который мы привычно определяем как спор шишковистов и карамзинистов. Но это поверхностное наименование, суть спора была куда важнее и глубже, чем прекращение каких-то партий. Суть состояла в перемене исторической и — скрыто — сакральной грамматики. Русское сознание принимает с того момента понятие исторического времени и в нём — Христа «сейчас».

Только после этого начинает оформлять себя современная (современная, соединяющая времена) русская литература. Но этого мало. В тех условиях, которые можно определить как ментальную революцию, она стала не просто литературой, но родом верования, знаменем

образа жизни, эмблемой особого сословия. Таковы были русские протестанты, скорее всего вовсе не думающие о своём религиозном протесте. Но теперь они получили некое сокровенное пространство, невидимый бумажный храм, в котором они могли править свою сокровенную службу. Вспомним: всё это происходило на фоне острого духовного спора, который усилился после войны 1812 года. Вспомним о запрете масонских лож (1822) и в целом о неудовлетворённости сознающего сословия официальной казённой (пост-петровской) церковью. Теперь это сословие было удовлетворено, теперь ему открылась невидимая страна, государство языка, который после перевода Библии обрёл полномочия «странообразования».

Это важный тезис — о стране. О стране в стране. Тогда возник своего рода бумажный остров Лапута⁶, который поднялся над страной. Не так, — над миром. Мы уже говорили о том, что Россия — это не страна, но более сложная система, сумма стран, мир (Рим). И вот над этим многосложным миром, архаичным, средневековым Римом, вычленившись из него, в начале XIX века поднялось литературное облако, помещение само-верующего языка. Может быть так, «геометрически»: над русской сферой возшла плоскость, страница нового языка.

Ещё раз: это новообразование сразу обретает черты сакральности. Очень интересно об этом судит Пушкин, в 1825 году, в Михайловской ссылке, когда после долгих и трудных метаморфоз он возвращается к христианской вере. Он пишет (июнь, письмо Вяземскому) о сходстве границ языка и государства. Обе границы для него священны. Это границы не всей России, не всего русского мира-Рима, но его, Пушкина, литературно мыслящей со-временной страны. Пушкин выглядит Колумбом, первооткрывателем литературной Лапуты.

Так выстраивается начало цепочки: перевод Библии — внутренние перемены языка, его конфессиональные приобретения — Пушкин. Дальше пойдёт пунктир, обозначения принципиально важных точек и фигур.

Гоголь, Оптиная Пустынь. Очень важный пункт. Спор или согласие, соревнование пишущего сообщества России и старцев Оптиной — один

---

⁶ Лапута — вымышленный город, который Гулливер посетил в своём путешествии, описанном в третьей части «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта. Представляет собой летающий остров на алмазном основании, перемещающийся с помощью вращения огромного магнита.

из самых характерных сюжетов XIX века. В этом соревновании «остров» Оптиной пустыни и литературный остров были «зеркальны». То есть: концепты Оптиной (поиск народа-богоносца и т.п.) были в такой же степени литературны, в какой тогдашняя литература являла собой квази-церковь.

Ключевая фигура в истории русского литературоцерквизма — Лев Толстой. (Разумеется, если я появляюсь здесь, то говорю о Толстом.) Он олицетворяет собой апофеоз литературной веры, веры в слово, которое способно переменить мир, реальный — на бумажный. Толстой прямой строитель церкви, отчётливо сознающий свою задачу, не раз её декларирующий. Толстой был искателем церкви с восьми лет. Сначала это была церковь собственная, детская, семейная (в восемь лет он лишился родителей и так пытался компенсировать эту утрату; мы говорили об этом на прошлых заседаниях), в конце жизни — общая, взрослая, «рационалистическая», протестантского типа церковь со своим переводом Евангелия и проч.

Для меня, архитектора, есть самый простой и наглядный довод в пользу толстовского литературоцерквизма: Лев Толстой с детства соревновался со строительством реального собора на Волхонке, Храма Христа Спасителя, — кто первый построит свой храм? Его, Толстого, храм был бумажный, храм в слове. Сначала это была детская священная книга, заповеди брата Николая, потом, во взрослом возрасте, храмом стал роман «Война и мир» (об этом тоже шла речь). Так и было: много лет шло соревнование соборов, реального, волхонского, и бумажного, толстовского.

Занятно, что реальный собор строился в Москве на земле, когда-то принадлежащей князьям Волконским. От этого, собственно, и пошло название улицы Волхонка (Толстой же по матери Волконский, стало быть, у него были фамильные основания для спора, чей собор главнее). И это соревнование соборов Толстой как будто выиграл: он дописал свой роман-бумажный-храм в 1869 году, а реальный собор строился ещё пятнадцать лет, до 1884 года.

Этот сюжет заканчивается довольно драматично, и — наглядно, логично. Толстой первым достраивает свой роман-храм: в 1869 году летом выходит последний выпуск «Русского вестника» с эпилогом «Войны и мира». И после этого внезапно отправляется куда-то в Мордву. Объяснения самого Толстого на этот счёт довольно сложны и противоречивы. По дороге, в городе Арзамасе с ним происходит известное

минус-чудо, «арзамасский ужас» (3 сентября 1869 года). Если следовать простой макетной модели нашего бумажного острова, он добирается до его края. И с этого края валится в пропасть. В бездну иной, языческой веры, в бессловесное, безлитературное ничто. Такова литературная страна Россия, двухмерная страна поверх трёхмерного мира. Она закрывает его не полностью, оставляет обрывы и прорехи. В такую мордовскую прореху и провалился Толстой.

И тут заметка архитектора: когда Толстой ночью приезжает в Арзамас, первое, что он видит, — огромный собор, построенный в честь победы над Наполеоном. Это местная знаменитость, собственно, не местная, а всероссийская: большой Воскресенский собор. То есть: Толстой всё-таки проиграл соревнование за первенство в строительстве храма (времени, памяти), посвящённого победе 1812 года. Не было ли это, хотя бы отчасти, причиной его разочарования и ужасных ночных видений?

Всё это важные этапы, подъёмы и провалы в возведении бумажного острова Лапуты, литературно-освященной земли слова. Этапы истории русского литературоцерквизма.

Тут может возникнуть множество попутных сюжетов. Можно вспомнить поражение в Крымской войне (1854–1855), которое было одновременно поражением официальной церкви. Образно говоря, церковь вела Россию освобождать Царьград. Провал, разочарование, и — новая волна очарования литературной верой. Литература на время заменила церковь. Она утешила Россию великими романами, которые были написаны точно в период между двумя «цареградскими» войнами, проигранной (1855) и хотя бы отчасти выигранной (1878).

Можно вспомнить Даля, его своеобразную слово-строительную деятельность, попытку связи народно-говорящего низа и надмирного бумажного верха.

Или Чехов: это пример от противного. Чехов в конце XIX века бежит из литературной квази-церковной страны, в которой главный царь и жрец — Лев Толстой. Очень важный эпизод: встреча и расхождение Чехова и Толстого. Чехов отказывается верить литературно. К тому же он путешественник — реальный, очень наблюдательный и трезвомыслящий. Он путешествует по настоящей России на Сахалин, и по его движению, по его заметкам можно видеть, как отслаивается бумажная страна от настоящей.

Наконец, в 1917 году Россия как бумажноголовая страна сгораёт. Об этом прямо предупреждали «Вехи». Авторы «Вех» чётко

диагностировали бумажную, начётническую болезнь России. Думающая, сознающая Россия — бумажная плёнка над русской бездной — была опасно перелитературена.

Дальше нужно следить очень внимательно. Пожар в бумажном русском «храме» в начале XX века радикально обновил русский литературный язык. Явная революция отозвалась революцией веры и языка. Однако спустя десять лет большевики восстанавливают великое бумажное строение русской Лапуты. Не буду останавливаться на консерватизме Сталина и его соратников, это отдельная большая тема. Важно вот что: они построили советскую гуманитарную школу как «храм», стоящий на классическом литературном основании. На краеугольном толстовском камне, на храмоподобном романе «Война и мир». Это было восстановление привычных храмовых конструкций сознания, подъём на воздух летающего острова «Лапута-2».

Ещё один архитектурный сюжет, очень показательный. Старые архитекторы рассказывали, как они проектировали типовую сталинскую школу, — вспомним, белую, четырехэтажную, с широкой квадратной дверью-порталом. И четыре барельефа наверху: профили Пушкина, Толстого, Горького и Маяковского. Старики клялись, что видели техническое задание, где было написано, что это царские врата. Даже если это анекдот, то совершенно логичный. Школа была святым местом, в котором соответствующим образом оформлялось ученическое сознание. Храмово-литературно, со своими бумажными святыми и еретиками.

Таким был второй возраст русской литературной церкви. Первым был героический, классический возраст веры в слово, вторым — школьный.

Таков в общих чертах связный сюжет развития русского литературоцентризма. Начало, рост, царское (толстовское) величие, революционный пожар, распад и новое восстановление бумажного храма. И, наконец, его нынешний крах и развал, логичный и неизбежный.

Мы переживаем сейчас переломный момент. Школа как храм сознания действительно разваливается, теряет концептуальную целостность, народ перестаёт читать, книги как будто готовы почитать в бозе. Филологи оплакивают вчерашнюю святость, призывают обратно в сакральные пределы Лапуты (очень интересно выглядит в этом контексте заявление филфака МГУ), но даже это в очередной раз свидетельствует о том, что мы имеем дело со скрыто религиозным феноменом.

Мы не случайно именно сейчас заговорили о литературоцентризме. Потому что всерьёз «духовно заболело». Неудивительно, что заболело,

потому что эпоха литературной веры закончилась. Началась жестокая литературная секуляризация. Литераторы в каком-то смысле остались без помещения. Они что-то говорят друг другу, собираются в кружки, как палестинские дети, ищущие утраченную родину. И чем острее они ощущают свою безместность, тем горячее и одновременно безнадежнее их странная, фантомная вера.

Так выглядит со стороны сюжет явления и гибели нашей великой — верующей — литературы. Я нахожу его в целом закономерным.

Но — ситуация никоим образом не фатальна. Никакого Апокалипсиса. Остаётся Россия, стоящая на слове, растущая из слова. Она восстанавливает письмо и чтение — думающее письмо и думающее чтение. Я в этом не сомневаюсь. Просто это не будет больше квази-церковью. Это будет — я надеюсь, с трепетом и высоким чувством — более «зрячий» литературный процесс. Зрячий — в историческом и прямом географическом смысле. Простое соображение: Россия сегодня путешествует так, как никогда. Видит мир, видит себя во многом заново. Ей открыта её история, вдобавок открыта страшная бездна Интернета, которая пока выглядит как свалка и помойка, но это, надеюсь, временно. Такое количество новостей невозможно переварить в один приём. Я убеждён, большие книги, большие обобщения ещё появятся.

Лучше не о помойке, лучше о Чехове. Я, кстати, всегда в таких разговорах думаю не о Толстом, а о Чехове. Он мне сообщает какие-то оптимистические пространственные соображения, хотя на первый взгляд серьёзный Чехов сумрачен и печален. Нет, это не так. Он очень конструктивен (архитектурен). Он понимает язык пространства. Путешествует по России как по миру, не как по стране. В этом большем русском мире на его глазах появляются и исчезают страны. «Степь» — вот страна Чехова. Русский мир составлен мозаично и сложно, скажем так: не из стран, но из полей сознания. Вот, появилось — очень вовремя, в историческом плане уместно, на рубеже XVIII и XIX веков, фоном события 1812 года — поле литературного сознания.

Ещё раз: я убеждён, что перевод Библии сказался на появлении и оформлении этого поля. Это было литературно-религиозное поле сознания. Оно появилось в соседстве с Европой, вместе с ней. После Крымской войны — против Европы. Оно подвижно, пластично. В каком-то смысле оно хрупко, смертно.

Вот и литературоцентризм, как квази-церковь, возник и исчез. Или исчезает, поскольку нет больше условий для его религиозной

деятельности. Мы наблюдаем перемены, появления и угасания сознающих полей России. Но это не конец её как мира.

Нужен новый проект слова, но только в формате мира. Для этого мы должны признаться себе, наконец, что мы живём в мире, а не в стране. Вспомним, что мы мир, и у нас заведётся большое слово. Книги старше нас, они нас переживут. Вот, если угодно, такую грубую схему я попытался начертить. С большим содержанием оптимизма.

А. Н. Привалов

Спасибо, Андрей Николаевич. Мой призыв найти оптимистические искры Вы, можно сказать, просто перевыполнили. Россия продолжает стоять на слове. Даже если это слово в основном матерное, это не так уж и важно, потому что страна остаётся миром слова. И со временем народятся более талантливые ребята, которые сделают новую литературу уже не на облаках, а на реальной земле. В общем, мы ещё увидим небо в алмазах, правильно?

А. Н. Балдин

Я бы не стал так.. Зачем мат, причём здесь мат?

А. Н. Привалов

Да, с матерным словом я погорячился, встречаются и другие.

А. Н. Балдин

А «небо в алмазах» — это, кстати, что-то из прошлого. Это чеховское и одновременно предреволюционное. И не надо к этому стремиться.

А. Н. Привалов

А мы к небу в алмазах не очень-то и стремимся. Спасибо огромное. Господа, насколько я понимаю, наши два выступающих дали гигантский материал для споров, согласий и выхода в третьи измерения, так что кто бы хотел высказаться, — милости прошу. Сначала вопросы? Пожалуйста — Виктор Петрович Мазурик [доцент кафедры японской филологии ИСАА, МГУ им. М. В. Ломоносова].

В. П. Мазурик

Вопрос довольно короткий и конкретный. Мне как филологу очень интересно было бы услышать от Андрея Николаевича, какое место в его

Мазурик В. П.

системе найдётся таким явлениям, как, например, Пушкин, Достоевский, в XX веке Платонов и т.д.? Я имею в виду, что в этой прелюбопытнейшей, действительно плоскостной системе, в этой двухмерной бумажной конструкции, когда происходит такая концентрация реальности, которую, скажем по-китайски, бумажный тигр русского литературного империализма просто не вынесет, прорвётся под их тяжестью, — вот как они вписываются, с Вашей точки зрения, в эту картину?

А. Н. Балдин

Спасибо. Вопрос «простой», в двух словах на него, конечно, не ответить. Пушкин, безусловно, вписывается. Хотя тут надо сразу сказать, что он был достаточно здравомыслящим человеком, он из первого поколения большого русского письма, он не бумажно-религиозный фанатик. И поэтому он, наверное, посмеялся бы над моими домыслами.

В иконостас Лапуты его вставило следующее поколение. «Пушкин — наше всё» — это, по-моему, Аполлон Григорьев⁷, 1851 год. Это следующее поколение уже уверовавших детей. И поэтому Пушкин для меня это очень лёгкий человек, который открыл новый материк и просто побежал по его белейшей плоскости. На своём быстром «географическом» ходу он много чего замечательного сочинил. Великолепный гимнаст, под ним бумажный батут, отлично. Но дальше происходит следующее.

Этого «бегуна, прыгуна и арзамасского сверчка»⁸ упаковывают в Михайловское. Что с ним происходит в Михайловском? Конечно, для этого лёгкого мотылька, который по югу порхал прекрасно и весь был в движении, обездвижение в Пскове было подобием смерти. Сверчка засунули в морилку. Но Пушкин выжил, нашёл новое пространство для бега — пространство истории. На этот счёт может быть долгий рассказ, коротко вот как: его обязали изучать церковные праздники. В этих праздниках он и открыл пространство русской истории.

Это тот самый пункт, о котором я говорил: в 1825 году он как будто заново крестится, вспоминает полноту допетровского времени, переписывает «Годунова» — и открывает для себя и для нас новую страну. Но (опять геометрия): для того он должен был узнать больший мир, чтобы из него изъять меньший, бумажный. Очень грубо, «архитектурно»: он должен был принять 3D во времени, чтобы начать свободно писать на странице, в 2D. Он открывает для себя пространственную композицию сочинения — ещё одна малая революция. И, главное, он открывает для себя пространство исторического времени: через своё родство, через Гаврилу Пушкина, через полноту круга праздников он внезапно понимает, что время это тоже пространство, простор для путешествия. Он начинает думать, где он помещён, что такое бумажный лист, по которому он бегал.

---

⁷ Аполлон Александрович Григорьев (1822–1864) — русский поэт, литературный и театральный критик, переводчик, мемуарист.

⁸ А. С. Пушкин был участником литературного кружка «Арзамас» (1815–1818, Петербург), названного по связи с сатирой-шуткой Д. Н. Блудова «Видение в арзамасском трактире, изданное обществом учёных людей». Арзамасцы получали прозвища, заимствованные из баллад Жуковского (Жуковский — Светлана, Пушкин — Сверчок, Батюшков — Ахилл, Вяземский — Асмодей и т.д.). — Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. — 1962.

В. П. Мазурик

Он, вообще-то, считал, что этому его отчасти научили такие люди, как Карамзин, и в смысле исторического мышления, и в смысле языка.

А. Н. Балдин

Безусловно, но это была учёба, само же откровение приходит к нему позже, когда он становится участником истории, субъектом сознающего поля. Этот переворот и происходит в мае 1825 года. На день рождения, в Вознесение. И позже, в июне, после Троицы, которая по церковному календарю означает праздник объёмного (трёхмерного, троеперстного) мышления, он продолжает праздник большого путешествия — в объём истории, в «Годунова». Май и июнь 1825 года. Мы все слышали об этом, когда он надел красную рубаху и пошёл пешком на Святогорскую ярмарку есть апельсины числом до полдожины и петь с нищими Лазаря. Это был его июньский праздник прозрения. На макете истории. Он понял, где он и что он. Это был религиозный переворот и — как следует — поворот языка к литературоцерквизму.

Дальше Пушкин в этом смысле очень понятен, виден. Видна его драматическая храмовая роль, его «Христова» жертва, которая понятна именно в развитии литературоцентричного мышления. Оно развивалось, меняло прежние образы, редактировало, заново освящало реальность. Толстой понял принципы этой сакральной редакции и пересочинил 1812 год, написал роман об озарении и так далее. На Толстом мне лучше остановиться. Важно то, что это происходило в «храме», в контексте русского литературоцерквизма... **(В ответ на реплику.)** У Платонова другая история, конечно. Это другая игра пространств.

А. Н. Привалов

Александр Владимирович Голубев [руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН], прошу Вас

А. В. Голубев

Уважаемые коллеги, я начну с того, что в датировке литературоцентричности русской культуры я соглашусь, скорее, с Андреем Николаевичем [Балдиным], чем со Львом Александровичем [Аннинским].

Конечно, не с Феофана Прокоповича всё это началось. Я-то думаю, что это началось глубже, — судить об этом мы не можем, но уж точно с принятием православия. Мы как-то, может быть, не до конца понимаем,

Голубев А. В.

что такое было обаяние Византии для средневековой Руси, насколько это был иной, более высокий мир. Но ведь ни античную культуру, ни мрамор, ни стены, ни оливки, ни тёплое море на Русь не принесёшь. Принесли тексты. И доказательство того, что Русь была литературоцентричной, очень простое. Я затрудняюсь назвать другую страну, где по крайней мере три абсолютных правителя были блестящими стилистами, оставившими свой след в литературе. Я имею в виду Владимира Мономаха, Ивана Грозного и Петра Великого со всей его малограмотностью. **(Реплика:** Екатерина II.) Екатерина II всё-таки продукт немецкой культуры, поэтому я воздержался. Это раз.

Второе. Что касается перевода Библии — я не спорю, что это важный факт. Хотя я как историк ни в каких текстах этого факта не заметил. Он не был замечен культурой. Может быть, он так скрыто повлиял. Но первый русский поэт, которого мы цитируем до сих пор, я не беру

«Слово о полку Игореве», это всё-таки Ломоносов. Это всё-таки XVIII век, а не начало XIX века.

Далее. Вы знаете, вот будет какой-нибудь историк писать историю Никитского клуба, возьмёт сегодняшнюю повестку дня и скажет, что было два вступительных доклада, а на самом деле их было три, потому что Александр Николаевич сказал короткую, но очень ёмкую речь. И я ему тоже хочу ответить. Вы сказали «маргинализация русской литературы». Безусловно. «Большая книга», спорить не с чем. А вы вспомните, кому за последние 20 лет «нобелей» давали по литературе. Вы хоть одного лауреата сейчас назовёте?

А. Н. Привалов

Премия, которая десять раз присуждалась при жизни Льва Толстого и началась с Сюлли-Прюдома⁹, вообще слова доброго не стоит.

А. В. Голубев

Нет, но согласитесь, что русские лауреаты вполне этой премии заслуживали. Те, кто их получил, пять человек¹⁰.

А. Н. Привалов

Это кому дали. А кому не дали?

А. В. Голубев

Кому дали, кому не дали — это другой разговор. За последние 20 лет вообще ни одного сколько-нибудь значимого имени не было. Идёт маргинализация мировой литературы.

Н. Б. Иванова, первый заместитель главного редактора журнала «Знамя», литературный критик, литературовед

А Вы читаете по-китайски?

---

⁹ Сюлли-Прюдом (Рене Франсуа Арман Прюдомм; 1839–1907) — французский поэт и эссеист, первый лауреат Нобелевской премии по литературе (1901) «за выдающиеся литературные достоинства, высокий идеализм, художественное совершенство и необычное сочетание душевности и таланта».

¹⁰ И. Бунин (1933), Б. Пастернак (1958), М. Шолохов (1965), А. Солженицын (1970), И. Бродский (1987).

Иванова Н. Б., Бортко В. В.

А. В. Голубев

А Вы предполагаете, что англичане читают Достоевского сплошь в оригинале?

Н. Б. Иванова

Не знаю.

А. В. Голубев

И я не знаю. Или тем более шведы, которые дают эту премию. Я не спорю, может быть, это великий автор, но он никак нигде не прозвучал [Мо Янь, лауреат Нобелевской премии по литературе, 2012 г.].

Что касается фактов всемирного признания литературоцентричности русской культуры — я вспомнил одну историю. Герберт Джордж Уэллс, будучи в годы гражданской войны в России, которая была во тьме, был приглашён в какую-то очень известную школу. Он был потрясён, во-первых, уровнем урока литературы, напомнившим ему английский университет, и, во-вторых, что все школьники знали Герберта Джорджа

Уэллса. Он тут же заключил, что всё это липа и показуха, и на следующий день или через день потребовал, чтобы его отвели в другую школу. В другой школе никто не знал Уэллса, но уровень литературоведения был тот же самый, если не выше. Уэллс об этом написал. Он написал, что это самая литературоцентричная страна, которую он видел в мире.

И последнее. Мы в последние годы очень много говорим о носителях текстов — ридер, компьютер, читать Толстого с ридера и т.д. Это, на самом деле, не принципиально. Я в некоторых ситуациях сам уже предпочитаю ридер, например, в тёмной электричке. Меня пугает другое. По личному опыту знаю, что большая литература может быть написана только от руки. В самом крайнем случае — на пишущей машинке, с последующим исправлением. Компьютер убивает большую литературу.

Прежде чем требовать от нас читать большую литературу, вы её нам сначала напишите.

А. Н. Привалов

Вот это правильно. Прежде чем от нас чего-нибудь требовать — вы сами. Это правильно, это мне очень нравится.

Владимир Владимирович Бортко [режиссёр, сценарист], прошу Вас.

В. В. Бортко

Я просто хочу ещё раз внести некую сумбурную ноту в наше собрание, выразить ещё раз восхищение уровнем докладов и вообще произнесённых здесь речей. Я буду говорить, может быть, проще, но вот о чём:

...

СЕЙТОН

Королева умерла.

МАКБЕТ

Не догадалась умереть попозже,

Когда б я был свободней, чем сейчас!

Мы дни за днями шепчем: «Завтра, завтра».

Так тихими шагами жизнь ползёт

К последней недописанной странице.

Оказывается, что все вчера

Нам сзади освещали путь к могиле.

Конец, конец, огарок догорел!

Жизнь — только тень, она — актёр на сцене.

Сыграл свой час, побегал, пошумел —
И был таков. Жизнь — сказка в пересказе
Глупца. Она полна трескучих слов
И ничего не значит.

...

Шекспир, более 400 лет тому назад [Макбет. 1606 г.]. В это время у нас какой-нибудь Василий Светлый¹¹ вынимал глаз у своего брата Василия Тёмного. На том, собственно говоря, всё и заканчивалось. (**В ответ на реплику.**) Может быть, но уровень разговора, литературы, которую я только что процитировал, и не только она, говорит о многом.

Россия — литературоцентричная страна. May be, может быть. Ничуть не более чем некоторые окружающие её страны — существующие с такой литературой, о которой можно помечтать и позавидовать! Я сегодня в 5 часов утра приехал из Лондона. Проходя очередной раз по улицам Лондона, я видел памятники, каких мало у нас, практически массе писателей, которых я знаю и на которых я воспитывался, и, увы, не знаю. Но в Англии, по-моему, и в голову никому не приходит говорить об английской литературоцентричности.

Я патриот своей страны. Я патриот русской литературы. Но почему, я начинаю думать, почему мы ставим вопрос о литературоцентричности России? Почему Россия всегда литературоцентрична? А может быть, стоит посмотреть немножко по-другому?

Давайте мы на секунду оставим нашу страну, поскольку она, скажем так, со своеобразной историей, а посмотрим на страну с нормальной историей, например Италию. Достаточно нормальная история: Древний Рим и дальше, и дальше, и дальше. (**В ответ на реплику А. Привалова.**) Где кровавее — тут бочками нужно мерить, я не это имею в виду. Я имею в виду цивилизацию, которая существовала гораздо раньше и дольше, простите меня как русского патриота, — дольше, чем у нас.

---

¹¹ Художественная образность: «Василия Светлого» не существовало. В княжение Великого князя Василия II Васильевича Тёмного (1415–1462), князя московского с 1425 г., происходила длительная феодальная междоусобная война. Противниками В. II В. выступила коалиция удельных князей во главе с его дядей — звенигородским и галицким князем Юрием Дмитриевичем и его сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой. Сначала Дмитрий Шемяка выколол глаза князю московскому Василию, которого стали называть «Тёмным», позже князь Василий Тёмный в отместку выколол глаза родному брату Дмитрию Василию, которого стали называть «Кривым».

Нет, более того, заглянем ещё далее — в Египет. Обратите внимание, что происходит: письменности в Египте практически нет. Практически нет — ибо я имею в виду то, что иероглифы могли прочитать очень немногие люди. Но есть архитектура, которая понятна, — вот, что есть. Значит, на первое место выходит этот вид искусства. Можем сказать, что Египет архитектуроцентричен. Что происходит дальше? Происходит скульптура, ибо грамотных, несмотря на то что Греция достаточно продвинутая страна, мало. Или в Италии, где полная безграмотность, — что есть искусство? Что понятно? Это картины. Пойдём далее.

С развитием цивилизации и донесения культуры в тёмные массы появляется вот та самая литература, о которой мы сейчас говорим. И надо же так совпасть, чтобы расцвет России, расцвет страны, совпал с расцветом именно этого вида искусства. Вот в чём дело-то, по-моему. Именно поэтому литература для России — главный вид искусства. Она в нём впервые выразилась. И выразилась наиболее полно. Но гордиться литературой Англия может ничуть не менее, чем Россия. Если не более, простите меня. То, что я процитировал, по-моему, об этом говорит.

Далее что происходит. Важнейшим искусством для нас является кино. И это правда. Ибо в этот момент происходит опускание культуры. Кино выходит в первый ряд не только в России, во всём мире.

Вообще — что мы хотим получить от книги, зачем она? Кто задавался этим вопросом? Мы хотим получить то же самое, что хотели получить древние египтяне от архитектуры, то, что хотели получить итальянцы от живописи, когда папы переманивали себе художника и готовы были убить тех, кто переманивал. Почему? Потому что это был главный вид искусства. Точно так же как в своё время в России — литература.

Что же случилось потом? На первом плане достаточно долго было кино, и не только в России, как вы понимаете, во всём мире. И где оно? Мягко перешло в телевизор. И самое смешное, когда вокруг меня, кино-режиссёра, как-то все сокрушались: где же то кино, которое любили наши мамы, папы, да и мы когда-то! Когда оно будет? Что нужно сделать? Да ничего нельзя сделать. Оно ушло. Оно перешло в телевизор. Оно теперь там, то кино, которое любили, да и будут любить наши папы и мамы.

А теперь что? Потому что и кино умирает, ибо появляется что-то совершенно новое. Называется «Интернет». И это уже не есть способ поиска чего-то. Это есть народение чего-то совершенно нового, чего мы не знаем, да и знать-то не можем. Но мы знаем другое: дети перестали

слушаться взрослых, мужчины стали ниже женщин, и грядёт конец мира. Когда это написано? Вы удивитесь, но это египетские иероглифы.

Я думаю, что и сейчас ничего страшного не происходит. Происходит очередной цивилизационный скачок, и мы тому свидетели. Может быть, это не очень удобно. Но это так. Именно это — ничего более. Завтра не наступит конец света. Как коммунист я вам обещаю: завтра конца света не будет! Мне сказал Зюганов, а я вам передаю. Значит, мы присутствуем при чём-то совершенно другом в этом безумно интересном процессе, но процессе продолжающемся, идущем от фараонов, и не более того. Далее будет то же самое, и так — во веки веков.

А. Н. Привалов

Большое Вам спасибо, Владимир Владимирович. Только на правах ведущего одна маленькая справка. Конечно, Василий Тёмный и Василий светлый звучат неприятно. Но что в это время выделял Генрих VIII и его дочка королева-девственница, давайте при свете не вспоминать!

Прошу Вас, Михаил Иванович [Москвин-Тарханов, председатель Комиссии Мосгордумы по перспективному строительству и градостроительству; попечитель и преподаватель Пушкинского лицея № 1500].

М. И. Москвин-Тарханов

Я хотел бы внести некоторые оптимистические ноты в нашу беседу. Такие этюды оптимизма. Когда-то, совсем молодым юношей лет тринадцати, я познакомился на даче со всей окрестной деревней. И вдруг выяснилось, что мои новые друзья, которые хорошо играют в футбол, ничего не читают, то есть они чего-то иногда читали случайно — родители их не читали никогда и ничего. Это Подмосковье, это дачный посёлок. Таким образом, легенда для меня сразу стала легендой: мы — самая читающая страна. Да, вот здесь стоят дачи Московского художественного театра. Там проживают читающие люди. Дальше идут дачи рабочих какого-то завода. Там почти ничего не читают. А дальше есть деревня, где вообще ничего не читают.

Вот вам срез конца 60-х годов. Мы — самая читающая страна. Когда-то в период очень развитого литературоцентризма— 30–40-е годы XIX столетия — книгоиздатели продавали 5000 книг. Считалось, что это потрясающий тираж. Причём они дорого стоили, и гонорары были мощные. Три тысячи покупал Петербург, одну тысячу — Москва и одну тысячу — вся остальная Россия. Я десять лет назад поговорил с шичалинским

Москвин-Тарханов М. И.

Греко-латинским кабинетом¹². Они издали учебник древнегреческого языка. Ну кому он нужен в наши дни! Все 5000 купили: три тысячи — Москва, одну тысячу — Петербург и одну тысячу — вся Россия. То есть произошла рокировка между Москвой и Санкт-Петербургом по количеству вот этого узкого литературоцентричного и культуроцентричного слоя.

И последний элемент моего оптимизма — это выставка Non/Fiction. Туда приходишь — и весь литературоцентричный слой там находится, и даже стоит в очереди, в грязи, и пытается пролезть без билета, и вообще покупает такое, что в ум не придёт. И по семейному бюджету наносится страшный удар. И какие-то колоссальные сумки притаскивают в дом, разбирают их, а потом говорят, зачем я это купил. То есть какой-то

---

¹²Издательство «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», основано в 1990 г.

маленький, узкий слой как образовался в XIX столетии, так и пережил и войны и революции, и живёт сейчас.

А ужас заключается в том, что тогда всё остальное молчало, потом, в 20-е годы, оно заговорило. Можно у Зощенко почитать, как оно говорило. Потом оно снова замолчало. А сейчас оно говорит в полный голос, и нас не слышно. И нам кажется, что страна одичала. Да ничего она не одичала. Она заговорила.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Виталий Леонидович Тамбовцев, прошу Вас [профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова].

В. Л. Тамбовцев

Уважаемые коллеги, поскольку я человек далёкий от искусства во всех его видах, ну разве что как потребитель иногда с ним сталкиваюсь, так вот позвольте взглянуть на обсуждаемую ситуацию не диахронически, а сугубо синхронически. Я не знаю истории, я не знаю истории литературы, но представляю себе, как всё это выглядит с точки зрения чистого теоретика. В одном из своих измерений даже художественная культура есть система знаков, тех или иных знаков. От этого никуда не уйти. Мы общаемся, мы передаём какие-то смыслы, значения с помощью знаков.

Где-то примерно полвека назад Майкл Полани¹³ ввёл в научный оборот такое понятие «неявное знание» — *tacit knowledge*. Так вот литература как система знаков обладает безусловными преимуществами перед другими знаковыми системами в передаче явного знания, но не обладает такими преимуществами в передаче знания неявного. Оно потому и неявное, что его в знаках не выразишь. Ну, это ситуация знакома каждому эксперту. Он даёт оценку. Как он её даёт, а почему он её даёт? А он этого не знает, он выдаёт некий результат.

Есть знания, которые невозможно передать словами. А как его передают? Разнообразно. Если речь идёт о знании ремесленном, то его передают жестами, движениями: стоит ученик и смотрит, как мастер чего-то вытачивает, выпиливает, сшивает. Это не выразить словами. Если вы

---

¹³ Майкл Полани (1891–1976) — английский учёный венгерского происхождения, специалист в области физической химии, один из основоположников исторического направления в философии науки.

Тамбовцев В. Л.

спросите мастера, как он это делает, или если вы спросите учёного, как он дошёл до мысли такой, он вам ничего не ответит. Вот естественный человеческий язык не приспособлен для передачи неявных знаний. Это верно по отношению к литературе как знаковой системе, построенной естественным языком, который мы пытаемся использовать для передачи смыслов и значений. Это факт.

В связи с этим нелитературоцентричная культура — архитектуруцентричная, скульптуро-, картинно- и пр. центричная, может быть, как мне представляется, обладает большими возможностями для передачи вот этой неявной составляющей знания. И то, что сегодня мы сталкиваемся, с одной стороны, с явным, ну, не кризисом — снижением значений текстов на естественном языке при, в общем-то, росте других форм передачи смыслов и значений, других знаковых систем, — это совершенно нормальный процесс.

Когда я услышал суждение о том, что «Интернет, все заговорили, это наше будущее», — я позволю себе усомниться в этом, потому что в Интернете пишут словами естественного языка, неважно на чём, но пишут. Писали ли на папирусе, на Бехистунской стене¹⁴, — не принципиально. Это опять знаковые системы с ограниченными возможностями передачи.

А как же то самое tacit knowledge, как его передавать? В Интернете оно не передаётся. Невозможно его передать, поэтому, для того чтобы расширить... Да, причём здесь tacit knowledge. Да потому что если мы, мир, мы в широком смысле... **(В ответ на реплику.)** Да, это движущаяся картинка. Да, в этом смысле кино обладало значительными возможностями для передачи неявного знания. Движущаяся картинка. Поэтому если ваша «считалка» (компьютер) оснащена телекамерой — да, вы можете передать свои эмоции, вы можете передать свои навыки, что-то ещё. Так вот это средство, которое соединяет возможность индивидуального выражения того, что вы хотите передать, с одной стороны, и плюс возможности восприятия этого, с другой стороны, — это, скорее, достаточно универсальная система передачи явного и неявного знания. Но не «писалки» на экране. Это та же самая литература — что на заборе, что в Интернете, какая разница. Что там можно написать? Все мы знаем, что там пишут. Вот так и пишут. Другое дело, система, которая позволяет передавать и эксплицитное и имплицитное знание, то есть как часть культуры, — вот за этим, вероятно, будущее. И здесь, — отвечая на запрос нашего уважаемого председателя внести искру оптимизма, — мне кажется, здесь пара искорок оптимизма в связи с современными системами передачи символов, безусловно, есть.

А. Н. Привалов

Ну, и замечательно. Наталья Борисовна [Иванова], прошу Вас.

Н. Б. Иванова

Я здесь представляю тоже, можно сказать, умирающую культуру — «толстожурнальную», поскольку уже много лет работаю в журнале

---

¹⁴Бехистунская надпись — исторический памятник на территории современного Ирана; надпись на одноимённой скале на высоте 105 м; высечена на трёх языках — древнеперсидском, эламском и аккадском; рассказывает о событиях, относящихся к концу правления царя Камбиза (ум. в 522 г. до н.э.) и первым годам царствования Дария I (522–486 гг. до н.э.).

«Знамя». Был момент, когда тираж журнала «Знамя» составлял 1 млн. экземпляров, журнала «Новый мир» — 2,5 млн. экземпляров, журнала «Звезда» — 900 тыс. экземпляров, «Дружба народов» дошла до 1,8 млн. экземпляров. Это произошло в переломный момент 1989–1990 гг. и продолжалось года два с половиной—три.

В это время журналы опубликовали на своих страницах всё то, что было создано на протяжении не только пяти предыдущих лет, а пятидесяти, шестидесяти, семидесяти, восьмидесяти. И печатали то, что было скрыто от читателя, — запрещённую, эмигрантскую литературу, литературу, которая копилась в столах, от Набокова до Солженицына, от Рыбакова до Гроссмана. Всё это вышло одномоментно, журналы даже боролись, кто первый опубликует. «Нева» и, по-моему, «Октябрь» почти одновременно напечатали «Реквием» Ахматовой. Бродский впервые был напечатан в «Новом мире» ещё в 1987 году, когда ему вручили Нобелевскую премию.

Шли годы. Было ощущение, что страна всё это прочтёт. Мы, конечно, думали, что всё изменится. Я ездила в метро тогда и считала по обложкам, сколько людей и что читают. Для меня было очень интересно, в каком вагоне читают Гроссмана, в каком вагоне — Солженицына. Сейчас тиражи этих журналов — от 4 до, в лучшем случае, 8 тыс. экземпляров. Значит ли это, что литература умерла, книга умерла, толстый журнал умер, проза умерла, критика умерла? Я это слышу на протяжении последних 20 лет, тем не менее, всё каким-то образом продолжается, видоизменяется.

Сегодня замечательный архитектор, а также писатель Андрей Балдин создавал такую модель литературной жизни с точки зрения архитектуры, наш замечательный режиссёр Владимир Бортко создал кинематографическую модель литературы, её преобразования, видоизменения в кино, а теперь в телевидение, — каждый, следуя отчасти по своему жизненному пути, что тоже понятно. Вот и я, следуя по своему жизненному пути, иногда сталкиваюсь со странными вещами.

На днях я встретила человека, который занимал в Фонде Сороса одну из ключевых позиций в составлении программ, это Бахмин. Я его спросила: «Какая последняя книга, которую вы прочли?». Он сказал: «Вы знаете, я ничего сейчас не читаю, вообще ничего не читаю». Я столкнулась с таким впервые, и спрашиваю: «А почему?». Он говорит: «Моё мировоззрение уже сложилось, поэтому читать мне незачем, и я читаю один раз в неделю журнал «Русский репортёр». Мне достаточно быть в курсе

того, что происходит». Я просто не нашлась, что ему ответить. В этот момент я поздравляла господина Биллингтона, который уже несколько десятилетий возглавляет библиотеку Конгресса в США, книга которого «Икона и топор» оказала на меня очень сильное влияние, когда я её прочитала где-то в конце 60-х годов в спецхране бывшей ленинской библиотеки.

Так вот, что с нами происходит? Получается, что писателей у нас всё больше, — у нас примерно 150 000 человек в России и за её пределами (русский писатель живёт везде, и русский читатель живёт везде) пишут стихи. Из них малые единицы пробиваются на страницы журналов.

А. Н. Привалов.

Каким образом подсчитано, что это 150 000?

Н. Б. Иванова

Это подсчитано через Интернет. Подсчитаны люди, стихи которых выложены на сайте www.stihi.ru, на всех других сайтах. Они же хотят о себе как-то заявить как поэты. По крайней мере, такое ощущение, что они, может быть, когда-нибудь друг друга прочли бы. Хотя я в этом глубоко сомневаюсь. Мне кажется, что на самом деле русская литература сегодня напоминает такую странную конструкцию, которую я назвала «русский крест», — это как демографический крест, когда писателей всё больше, а читателей всё меньше. И мы находимся в совершенно страшной точке, путь из которой может привести куда угодно — либо к нулю, либо все мы превратимся в общество пишущих, но общество не читающих.

Как это всё произошло? Я думаю, это связано, с одной стороны, с советской мечтой о повышении уровня, когда каждый человек должен был хоть что-то написать, как-то себя выразить, написать хотя бы одну книгу. С другой стороны — ощущение, что всё это вообще необязательно, это всё отменено, и читать не надо. Хотя на самом деле слово лежит в основе всех искусств, включая и кино, и телевидение, и пр. Без сценария, без Достоевского ничего не произойдёт.

А что, собственно говоря, идёт? Идёт постоянное понижение уровня. Совсем недавно я жила в доме, где стояло 52 перевода на все языки мира романа Рыбакова «Дети Арбата» и «Тяжёлого песка». Это было совсем недавно. Но сейчас происходит постоянное понижение уровня как писателя, так и читателя — вот что очень важно. Как с этим можно бороться,

не знаю. Только что прошёл Конгресс Достоевского, который устраивал Игорь Волгин, на него приехало примерно от 150 до 200 специалистов по Достоевскому и по современной литературе. И из каждого угла, где я проходила, я слышала: «Достоевский, Достоевский, Карамазов, «Идиот»» и т.д. Но говорить о том, что хоть кто-нибудь из нас, собравшихся там, может соревноваться с Фёдором Михайловичем по уровню, — такого нет.

Я-то вообще считаю, что теперь литература чаще всего пишется не потомками Достоевского, а потомками героев Достоевского — от Лебядкина до Ивана Карамазова, в лучшем случае, автора поэмы «Великий инквизитор». Здесь кто-то говорил о том, как на втором этапе советской цивилизации создавался свой бумажный проект, но ведь это же пародийный проект. На самом деле всё, что тогда создано было хорошего, это же было создано вопреки, а не благодаря этому замечательному строю. То, что было создано благодаря, это была пародия на Льва Толстого: Фадеев, Шолохов и т.д. Я не отношу себя к поклонникам Шолохова, извините, я, может быть, такой уникальный человек и считаю, что ему дали неправильно Нобелевскую премию.

Это самоуничтожение генофонда было не только самоуничтожением генофонда русских, русского или других народов, населяющих великую империю. Таким же образом самоуничтожился генофонд, когда уничтожали Пастернака, когда унижали Ахматову, когда убивали Мандельштама и т.д., когда вымывали лучшее, что было в русской культуре. И сегодня мы имеем дело с тем, что имеем. Я тоже член жюри «Большой книги», я тоже это всё не только читаю, но отчасти издаю в журнале. Мы иногда думаем в журнале, не выходить же с белыми страницами, когда мы не можем отобрать лучшее и отбираем лучшее из возможного, из предложенного.

Тем не менее, каждый раз, подводя итоги года, я вижу какие-то вещи, которые выбиваются из общего ряда и которые замечают, кстати, наши западные коллеги. Это подпольная литература, которая дала свои ростки, или литература советского времени, которая тоже была очень интересна, — я не говорю о советской эпохе, которая дала своих авторов и свои тексты. Этот гумус, который я не могу сравнить с тем, что было во времена Достоевского, даёт, тем не менее, надежду не только на то, что толстые журналы (несмотря ни на что существующие в Интернете) будут продолжать своё безнадёжное дело, но и на то, что русская литература не может умереть только потому, что литературоцентризм уйдёт куда-то в почву, в подпочву, будет выражать себя через кино, через телевидение, через Интернет, ещё через что-то. На самом деле, художественное

сознание, выраженное в слове, всё равно остаётся основой очень многих искусств.

А. Н. Привалов

Спасибо, Наталья Борисовна. Андрей Александрович [Черников, вице-президент Московского отделения МААМ (Международная академия архитектуры)], прошу!

А. А. Черников

Мы живём в тот самый замечательный период перемен, о котором нас давно предупреждали как о самом некомфортном. Буду говорить, кратко, тезисно.

Как-то я прочёл очень интересную мысль, что в XX веке было два ключевых события: крушение советской империи (я не призываю согласиться, я просто цитирую) и переход с DOS на Windows. То есть смена в 70-е годы вербальной программы на визуальную — это, наверное, очень показательная история, вернее начало процесса. И может быть, действительно не так уж всё плохо.

Всё-таки вторая половина XIX века и первая треть XX века для России это не только литература. Это великая музыка, ещё много каких искусств и фантастических, извините, наук: и Менделеев, и т.д. и т.п. То есть мы можем говорить совершенно о другой истории — о том, что это был расцвет одной из величайших стран и великих культур. И как вершина этого русский авангард, при том что авангард-то был отрицающим. И только сегодня мы так тихо узнаём, что молодой Маяковский сотрудничал с иконописцами, о чём почему-то мы не хотели все эти десятилетия вообще думать и говорить.

Мы вообще не хотим думать и говорить в последние годы о таком интересном явлении (ему я посвятил одну из тематических выставок на фестивале зодчества), что есть такое национальная современная русская архитектура. Попробуем это сказать. Во-первых, попробуем так подумать, и во-вторых, попробуем это сказать. И, в-третьих, попробуем это показать. Это безумно интересно.

Потеря уровня сложности. Термин 20-х годов, как известно, — элементаризм, когда всё пришло, казалось бы, к первичным формам, очень простым, простейшим. Потом это стали называть минимализмом. А в минимализме, оказывается, скрыта колоссальная спрессованная энергия и огромное количество смыслов.

Черников А. А.

Кино и, конечно, телевидение. Только после фильма «Любовь» Михаэля Ханеке ты понимаешь, что кино это великое искусство. А после просмотров видео-арта ты понимаешь, что и кино перерождается. И балет не умер, он стал модерн-тансом [англ. modern dance]. Он просто перестал быть классическим балетом, классика устала. Как когда-то, не помню кто, Шопенгауэр или кто-то, сказал на пороге XIX–XX века: «Европейская культура устала от человека». Очевидно, человечество периодически переживает такие перемены, это вообще такая перманентная история человеческой цивилизации.

Это я не по поводу искры оптимизма. Мне, вообще, куда более интересным кажется выражение Рассела¹⁵, — что, конечно, Ньютон умный

---

¹⁵ Бертран Артур Уильям Рассел (1872–1970) — английский математик, философ, общественный деятель.

парень, он догадался, почему яблоко падает. Он не ответил на другой вопрос, который куда более интересен: а как оно туда попало? У меня просто искреннее желание, о котором я уже говорил Александру Николаевичу [Привалову], дополнительного заседания. Есть некое послевкусие, и в этом хочется порыться, понять эти механизмы, понять, что действительно что-то отмирает, что-то трансформируется, что-то перевоплощается.

По своим студентам могу сказать, что приходишь в ужас. Вчера говорили с кинорежиссёрами, позавчера говорили с театроведами, которые преподают в ГИТИСе, и говорят то же самое. Но, уверяю вас, эти ребята — да, одни даже двух слов не могут связать, а другие делают совершенно потрясающие проекты. Я не хочу никого огорчать, мы люди приблизительно одного возраста, близких поколений или поколения, но я, честно, перестал брать в руки толстые романы. Последние годы меня как-то влекут короткие и тонкие, достаточно спрессованные вещи, потому что времени на литературу просто нет физически, к сожалению. А месяца три назад, идя по бортику бассейна в Абано [Абано Терме, курортный город недалеко от г. Падуи], я увидел человека своего возраста, очень элегантного пожилого господина, который прикладывался к лежаку и открывал, видно, только что купленную толстую-толстую книгу, как «Война и мир», абсолютно новую. И я, обращаясь не к нему, а к себе, сказал: «Вообще-то начинать в нашем возрасте чтение такой толстой книги опасно».

Спасибо за эту тему. И мне всё-таки кажется, что в самом названии нашей встречи: «Россия — литературоцентричная страна» кроется что-то одномерное. Мне понравилось, как коллега говорил о 3D, так вот на самом деле надо переходить в 4D, потому что время — это то самое безумно интересное измерение, которое приятнее всего исследовать.

А. Н. Привалов

Спасибо. Я бы хотел призвать коллег к тому, чтобы мы всё-таки попытались одной рукой придерживаться за поручень определённой в программке темы, потому что, да, безусловно, в России была не только великая литература, но и великая музыка. Вопрос в том, было ли это, в частности, потому что была великая литература, или нет? Этот вопрос стоит в заголовке нашего сегодняшнего обсуждения. Нет никакого спора, что эпоха литературы в России — та, которую мы знали, любили или ненавидели, неважно, — она кончается. В этом нет вопроса. Вопрос, кончается ли вместе с этим Россия, какой мы её знали, или нет? Или Россия

Шумейко И. Н.

будет иной? Вот о чём, собственно, говорит вопросительный знак в заголовке темы. А так всё правильно.

Игорь Николаевич [писатель, историк], прошу Вас.

И. Н. Шумейко

Буду рад, если пригодятся данные моего экономического досье об изданиях начала двухтысячных годов. Мне тогда приходилось сталкиваться с иронией на свой счёт: «Ты сам издаёшь глянцевый журнал, но разразился такой здоровенной статьёй против «глянца». В этой статье мне, кажется, удалось подметить некоторую иллюзию конкуренции.

Мы начинали один гляцевый проект, и была иллюзия, что будем конкурировать с другими журналами, считая, что за журналами «Джей Кью», «Vanity Fair», «Vogue» стоят такие-то издательские дома. В общем,

нам казалось, что мы понимаем начальные условия, мы, как всегда, отстающие, но против нас вроде бы журналы, и можно начинать соревнование.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что соревноваться пришлось не с журналами. Почему? Потому что за этими издательскими домами, оказывается, следует просто такая товаросопроводительная кампания: в давно существующей связке какой-то журнал работает, например, с Мишлен (Michelin), кто-то с Gillette, кто-то с Mercedes. Возникла иллюзия, что, может быть, какие-то отечественные конструкторы, олигархи вырастут когда-то до уровня конкуренции с Мерседесом на территории России и станут для них противовесом. Вроде бы прорисовывается система сдержек и противовесов: вторжение, товарная экспансия, и как проекция этой товарной экспансии — соответствующие филиалы журналов. Наши некоторые журналы опирались на отечественных олигархов типа Северстали. Но в чём абсурдность ситуации? Она видна в том, как на книжный и журнальный рынок проецируется российская шальная экономика. Помните, по школе группа А и группа Б? Наши все компании, кто может как-то конкурировать с Мерседесом, это группа А — электричество, северная сталь. Её невозможно просить рекламировать, поэтому...

А. Н. Привалов

Это всё-таки другая тема. Надо как-то поближе к нашей теме рассуждать.

И. Н. Шумейко

Я хотел рассказать, как глянцевые журналы создали такой, как говорят, тренд, который подавил, в том числе, наши литературные журналы и родил такую эстетику. Можно сказать, мы расплачиваемся за собственный снобизм, что любим гладкую страницу, а не шершавую газетную бумагу. А что получается? Откуда возник феномен? Лет десять назад эти глянцевые журналы возникали массой. СМИ, средства массовой информации, могут быть связаны только с массовым производителем. Невозможно рекламировать электричество.

А. Н. Привалов

Это совершенно другая тема. И русские глянцевые журналы, возникавшие сотнями, гибли сотнями не потому, что русский производитель

не давал им рекламы, а потому что журналы были дрянь, потому что у них не было достойных дизайнеров, в них не умели писать тексты, которые нужны для читателя этого сегмента. Когда начали чему-то учиться, что-то и уцелело, а там кризис, и всё кончилось.

И. Н. Шумейко

Должен Вам возразить. 90% бюджета этих журналов — это прямая реклама, они не зависят от читателя.

А. Н. Привалов

Я примерно знаю, как это делается. Спасибо. Это на самом деле другая тема. Если по нашей теме ничего нет...

И. Н. Шумейко

По нашей теме есть возражение по поводу того, что перевод Библии что-то значил. Это была такая начальственная акция сверху, Библейское общество перевело Библию. С тем, как Мартин Лютер перевёл на немецкий Библию и создал литературный немецкий язык, здесь даже близко сравнивать нельзя. Вот по этому пункту возражение точно есть.

А. Н. Привалов

Понятно, спасибо. Воистину сказано, широк русский человек: от глянцевого журналов до перевода Библии.

Н. Б. Иванова

Можно два слова. Журнал «Сноб» существует и журнал «Русский пионер» существует. Журнал «Сноб» выпускает обязательные литературные номера, собственно говоря, беря всех наших авторов и замечательно им оплачивая, в отличие от нас. Журнал «Русский репортёр» выпустил специальный номер для летнего чтения. Тоже у меня лежит, коллекционирую. Авторы все те же самые, которых мы открыли. Только что я получила приглашение от журнала «Русский пионер» быть на вручении литературных премий. Получает литературную премию тот, кто был напечатан в журнале «Знамя» в прошлом году и получил премию Ивана Петровича Белкина, которую ведёт ваш покорный слуга. То есть новые журналы, совсем другие, чем мы, очень внимательно следят за тем, что происходит в литературе. Значит, этот, как выражаются, тренд, это направление как-то чувствуют. Зачем им это надо — вот вопрос.

В. В. Бортко

Реплику можно? Только что возникла интересная мысль в дискуссии с уважаемой госпожой Ивановой. Скажите, пожалуйста, вот сейчас среди нас сидит Лев Николаевич Толстой. Он написал книжку, она называется «Война и мир», её ещё просто никто не читал. События этой книжки отнесены к 1812 году. И тогда они были отнесены не к современности. И вот сейчас эта книга написана. Читали ли бы её? Я в этом сильно сомневаюсь. Ибо не время, как кто-то сказал, читать толстые книжки. Не читают.

А. Н. Привалов

Владимир Владимирович, Вы же понимаете, что я с Вами не соглашусь, но поскольку я ведущий, а не участник дискуссии, я даже и слово брать не буду.

В. В. Бортко

Почему? Возразите. Это интересно.

А. Н. Привалов

Дело гораздо проще, чем кажется. Просто, чтобы что-то делать, нужно уметь это делать. Читать толстые книги, читать длинные тексты нужно уметь. Мы все здесь по возрасту успели этому научиться в обязательном порядке. Кто-то научился с охотой, кто-то без охоты, кто-то лучше, кто-то хуже, но само по себе чтение длинных текстов для нас знакомое занятие. Подавляющее большинство людей младшего поколения этого просто не умеют, — не в том дело, хотят они или не хотят, может быть, им даже понравилось бы.

Константин Викторович, прошу Вас [Северинов, заведующий лабораториями Института молекулярной генетики РАН и Института биологии гена РАН].

К. В. Северинов

Я биолог. Как естественник я хотел бы обратить ваше внимание на то, что ситуация в литературе совершенно не уникальна. Например, в науке можно говорить, что в XIX веке был Фарадей, а в XVIII веке — Ньютон, у нас был Менделеев, Павлов, Ландау, Капица-старший, а сейчас вроде как и никого нет. Точно так же, как в литературе. Я как профессиональный биолог, как правило, не знаю, кому выдают нобелевские премии,

Северинов К. В.

но если посмотрю внимательно, то пойму, о чём, вообще говоря, идёт речь. Так же в живописи и так же в музыке.

В большинстве таких творческих активностей человека носители каких-то прорывных откровений вдруг растворяются и не становятся видными, как нам бы этого хотелось, или, как мы считаем, было раньше. По-моему, это абсолютно естественный процесс, связанный просто с тем, что абсолютное количество носителей или людей, которые заняты той или другой деятельностью, возрастает. Стало больше литераторов. Безусловно, стало больше учёных. Как следствие, сплошность сообщества людей, занятых этой деятельностью, возросла, и в этом смысле отдельные успехи просто сложнее увидеть. В частности, именно поэтому Интернет, что называется, очень своевременное произведение, поскольку позволяет, по крайней мере, искать то или иное тем, кому это надо. Это первое.

Бороться с этим не надо вот почему. Коль скоро мы говорим про литературу, у Алексея Константиновича Толстого было обращение к одному деятелю образования, которое звучало так:

Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?
Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь жопа,
Так в тебе обиды нету
В том, что было до потопа.¹⁶

К чему это? К тому, что дарвинизм никто не отменял не как именно дарвинизм, а как процесс естественного отбора и селекции. Это некий принцип, который очень общий, он работает везде, он работает в жизни. Именно поэтому жизнь, возникнув раз, имеет тенденцию со временем расщепляться, приобретать более мелкие формы, заполнять всё, что ею можно заполнить, и становиться более разнообразной.

Слово или литература это мемы, а мемы — это очень похожая форма жизни, она просто живёт в культурном пространстве, но на неё тоже действует дарвиновский отбор и поэтому она имеет тенденцию расщепляться. И в конечном счёте каждый хищник найдёт свою жертву, а паразит найдёт их обоих. Точно так же каждый писатель найдёт своего читателя. В сущности, страдания о пропаже литературы, — я очень извиняюсь, но у меня такое подозрение, что в основном это страдания издателей. Издателям гораздо удобнее издавать канон — Пушкин, Лермонтов, Толстой. А если приходится издавать по пять тысяч всех подряд, и чтобы они потом нашли своих читателей, — это, наверное, гораздо тяжелее. По-моему, это процесс естественный, с ним нельзя бороться. Жизнь продолжается.

А. Н. Привалов

Я в восторге от того, что кого-то найдёт хищник, а паразит найдёт их обоих, это гениально! Но Вы нам блестяще осветили только одну сторону

---

¹⁶ А. К. Толстой. Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме. 1872 г.

проблемы. Вы нам объяснили, почему мы больше не видим людей, которые резко выделяются из массы, больше не видим Фёдора Михайловича, Льва Николаевича, а видим нечто другое. Вы нам не объяснили вот что: если их стало такое количество, что они заполнили всё отведённое им пространство, — почему же падает их совокупное влияние?

К. В. Северинов

Интернет — это та машинка, которая позволяет паразитам найти друг друга или хищникам — жертвы, поэтому вы же не будете говорить, что влияние Интернета уменьшилось. Оно увеличилось именно потому, что теперь это та среда, где ищут потребители. И в торговле то же самое. Это везде так.

А. Н. Привалов

Какая разница, где человек читает или где человек не читает!

К. В. Северинов

Нет, нужно же найти. Вот Владимир Владимирович [Бортко] сказал, что Толстой, если бы он сейчас сидел с нами, он бы тыркался по издательствам и никто бы...

А. Н. Привалов

Я говорю о Толстом, который умер в 10-м году. Его тексты есть в Интернете? Есть. Их читают? Нет. (**В ответ на реплики.**) Меньше, чем прежде.

В. В. Бортко

Всегда, всю жизнь было 1,5% людей, интересовавшихся тем, о чём Вы говорили. Их никогда не было больше. И не будет никогда. Никогда! Всё остальное — либо следование моде, либо почему-то... Вот, например, выброс: читали дикие тиражи журналов в 90-е годы. Почему? Это что, качество литературы? Нет. Это политика. Момент. Значит, это не есть читающая аудитория. Это аудитория, следующая модным вещам.

А. Н. Привалов

То, что те два миллиона не были читающей аудиторией, чётко доказано последующими годами. С этим вопроса нет. Вопрос в том, что будет дальше.

Дмитрий Борисович [Зимин, президент Фонда некоммерческих программ «Династия»], Вы что-то хотели сказать?

Д. Б. Зимин

Можно сказать, что Вы меня даже спровоцировали.

Коллеги, в отличие от всех здесь присутствующих, может быть, не всех присутствующих, я должен сознаться, что я не режиссёр, я не архитектор. Ну, читатель. В связи с этим мне хотелось бы высказать вот какую мысль.

Мне кажется, что одна из таких революционных особенностей времени, в котором мы живём, это невероятнейший поток информации, который обрушивается на каждого человека. Такого объёма не было никогда ещё, наверное, в истории человечества. И вот с этим объёмом надо что-то делать. В первую очередь — наверное, с образованием, которое помогает селектировать всякий мусор и выбирать более или менее достойные вещи. Ну, а в итоге, может быть, даже некоторое интеллектуальное сообщество должно бы сказать ошарашенному читателю, зрителю: «Слушай, вот среди этого мусора имеется одна-две-три вещи, мимо которых нельзя пройти».

Я, будучи ошарашенным всем этим потоком информации, телевизор вообще не смотрю. У меня их много, но все они не включаются. И тут я как-то встретился с одним нашим крупнейшим киноведом, он ко мне хорошо относится, и я его попросил об одолжении: «Скажите мне, пожалуйста, я больше одного фильма в квартал смотреть не буду, не могли бы Вы мне назвать два-три-четыре фильма за последний год, полгода, без которых нельзя жить, надо посмотреть». Он мне назвал. В списке были фильмы «Елена» [реж. А. Звягинцев], только что вышедший фильм «Рассказы» [М. Сегал] и «В тумане» [С. Лозница]. Кстати говоря, «В тумане» я посмотрел, ничего особенного.

Я был бы страшно благодарен интеллигентному сообществу, которое сказало бы: вот несколько книг в этом году, без которых жить нельзя. Литературы выходит много. Я стал посматривать на критику. В обруганном iPad я стал искать и записывать, что же рекомендуется в газетах, журналах. Сейчас, кстати, очень легко: ты про книжку узнал — скачал, и она у тебя здесь. Вот всё это у меня уже здесь (в iPad). Стал искать, и думаю, найдутся же люди, которые могут посоветовать, что надо читать, а что не надо. Я сейчас прочту только несколько выписанных мною названий (наверное, все уже читали, а я ещё нет):

Зимин Д. Б.

«Порабощённый разум» Чеслава Милоша, «Русский роман» Меира Шалева, «Благовоительницы» Джонатан Литтелл, «Юные годы медбрата Паровозова» Алексея Моторова, «Ложиться могла на старые ступени» Александра Чудакова (вот это я прочёл, прекрасная вещь, прямо оторваться не мог). Я сейчас не зачитываю научно-популярные книжки (здесь я сам могу посоветовать), без чего интеллигентный человек жить не может. Кстати, имейте в виду, к ним относится «Непослушное дитя биосферы»¹⁷ и многое ещё.

Не буду перечислять весь длинный список книг, здесь есть ещё «Венерин голос» и «Взятие Измаила» Михаила Шишкина, «Антилидер» Владимира Маканина. Что делать-то?

---

¹⁷ Научно-популярная книга, в которой в популярной форме раскрываются биологические основы поведения человека — инстинкты.

А. Н. Привалов

А я Вам скажу. Вы начните читать вот этих самых «Благовоительниц», это роман длиной примерно отсюда до Тамбова, и Вам навсегда хватит, Вы больше никогда ничего читать не будете, просто зубы увязнут — и всё.

Н. Б. Иванова

Нет, Маканина тоже надо прочитать. «Антилидер» — это рассказ, вы прочтёте его за полтора часа.

А. Н. Привалов

Спасибо, Дмитрий Борисович. Виктор Петрович Мазурик, прошу Вас [доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ им. М. В. Ломоносова)].

В. П. Мазурик

Тема, сегодня обсуждаемая, для меня очень болезненна, потому что, во-первых, я, как и все мы, читатель, плавающий вот в этом информационном море и не знающий, как выплыть без руля и без ветрил на какой-то нужный адрес. Но, с другой стороны, я ещё получаю вдвойне, в квадрате, в кубе информацию от своих студентов. Я историк литературы, мне приходится их выслушивать (сейчас идёт зачётно-экзаменационная сессия, и я с ужасом предвижу, что мне будут рассказывать о средневековой японской литературе).

Я не хочу, чтобы меня заподозрили в литературоцентризме по моей профессиональной принадлежности, потому что для меня персонально царица искусств, если на то пошло, это музыка. Мне лично она по-человечески даёт едва ли не больше, чем литература, поэтому мой взгляд, я считаю, отчасти такой довольно объективный. Тем более как историк литературы, мне кажется, я могу видеть некую такую историческую перспективу. Ведь очень часто то, что происходит с нами сегодня, нам кажется абсолютно уникальным, никогда прежде ничего подобного вроде бы не было, и мы считаем, что уникальны и наши реакции на это — что вот никак по-другому видеть и ощущать нельзя. Хотя если посмотреть на средние века, на античность — там многие схожие вещи были, и сейчас они просто повторяются, может быть, немного в другой концентрации, в другом виде и т.д.

Что я имею в виду. Я, с одной стороны, согласен практически со всем, что здесь говорили. Я вижу, как разрушился на глазах этот литературный храм и как литература с церковного амвона, с университетской кафедры

и с ораторской трибуны пошла в лучшем случае в торговую лавку, а в худшем — на панель или, скажем, в сумасшедший дом. Происходят какие-то невероятные вещи, когда уже читателей пора записывать в Красную книгу и когда большинство, как чукча из анекдота, не читают, а пишут, и сидят все уже не в храмах, а в каких-то маленьких индивидуальных вигвамах. И это уже какие-то даже не секты, если сравнивать с религией, а что-то вообще такое более атомарное и непонятное, когда каждый человек постепенно становится какой-то вещью в себе. Мы все стали какими-то экзистенциалистами, когда не докричишься до параллельной реальности другой личности. Я это всё, с одной стороны, прекрасно вижу и понимаю. И мне всё это тоже больно.

С другой стороны, я сравниваю с тем, что когда-то было, и вы знаете, я бы вот что сказал, — что, может быть, ключ недопонимания всех наших проблем, в которых мы сейчас варимся, конечно, в колоссальном скачке количества, перешедшего в качество. Скорость и плотность информационного потока вызвала иные защитные психологические реакции, иные модели. Молодёжь стала говорить кратко, думать, к сожалению, тоже кратко — вот такими SMS-структурами. Она не может выстроить эпический ряд, распространить вещи в пространстве и времени (события и явления). И возникла такая квантовая система восприятия мира — моментальная, точечная, которая выбирает явление не в какой-то последовательной временной или пространственной структуре, а как вот если бы сразу перед вами была вся картина мира, и вы по своему какому-то сиюминутному произволу выбирали из этого меню нужные свои точки. В результате распадается эпический сюжет на микроэпизоды. В результате фильмы приобретают уже постмодернистскую такую калейдоскопическую структуру и т.д.

Но мне бы хотелось вот что сказать. Литературоцентричная культура довольно молодая. Она весьма молодая, не говоря уже о том, что она возникла, когда появилась письменность, а это сравнительно ничтожно маленький отрезок времени в истории человечества. Это изменило даже устную, фольклорную речь, сделало её совсем другой, появились другие структуры, когда возникло печатание, ещё более — Интернет.

Есть технические проблемы. Например, я считаю, что задача, социальный заказ для математиков, компьютерщиков и т.д. состоит в том, чтобы находить более эффективные поисковые системы, которые будут нам давать не просто точечный ответ на заданные темы, а выстраивать некие информационные каналы общения. Чтобы мы получали не просто

верхушки, вершки — я задал вопрос, и у меня буквально по ключевым словам выскочил ответ, а за ним ничего нет, пустота. Это первое.

Надо в школе строить образование по-другому. Надо не информацией накачивать студентов, потому что они не успевают реагировать. Они потому и переходят на невербальные модели общения — знаковые, интонационные, всякие движущиеся, потому что слово, правильно выстроенное в законченном высказывании, не поспевает за скоростью изменения. Пока ты говоришь фразу — за это время изменяется реальность. Тут все чувствуют себя уже некими древнекитайскими даосами, которые знали, что «мысль изреченная есть ложь», потому что нельзя загнать действительность ни в какую форму, в том числе словесную, потому что это вечно меняющийся процесс.

Но, вы знаете, мне кажется, мы в России были долгие века не столько литературоцентричным народом, сколько логоцентричным. Это немножко другая вещь. Скажем даже по-другому — христоцентричным народом. Отплытие от этого берега произошло в Европе раньше почти на полтысячелетия, чем у нас, — в эпоху Ренессанса. И Европа, кстати, за это расплатилась очень жёстко. После ренессансных восторгов, интеллектуальных, художественных откровений и т.д. последовали ужасающие тёмные века, кровавые, с отчаянием... **(В ответ на реплику А. Привалова.)** Вот эти все бесконечные тридцатилетние, столетние войны и т.д. У японцев, кстати, было то же самое, что-то от отражённого китайского ренессанса.

Мы всё получили, у нас всё это в таком исторически спрессованном виде, но мы получили то же самое. Я согласен, что перелом произошёл во времена Ломоносова, во времена рождения русской светской культуры, в центре которой стояла уже не христианская парадигма, а то, что в Европе произошло гораздо раньше. Мы стали это выстраивать.. **(Реплика: Просвещение.)** Просвещение, рационализм и т.д. Мы тоже дали колоссальный творческий всплеск в начале этого процесса, и это жуткое брожение, нестроение в последующем.

Какой рецепт, что с этим делать. Как преодолеть ту затяжную, трёхсотлетнюю гражданскую войну, которая началась после смутного времени, а особенно после петровских реформ, когда были отделены очень серьёзные вещи, которые раньше стояли в центре нашей культуры. У меня тоже никаких рецептов нет. Но я, знаете, верю, чтобы не сказать верую, в то, что всё-таки врата адовы вовек не одолеть, и в какой-то форме, может быть, для нас ещё сейчас непредсказуемой, это будет какое-то

не линейное развитие, а, может быть, какой-то «ход конём», какой-то скачок в сторону, но из этого тупика будет выход. Просто по диалектике развития он обязан быть.

А. Н. Привалов

Вы прямо в лоб вышли на обожаемую мною фразу Даниила Ивановича Хармса. У него в одном из рассказиков человек с тонкой шеей садится в сундук, закрывает за собой крышку и говорит, вот если я буду держаться изо всех сил, то воздух закончится, и я умру, или жизнь победит смерть, и я... Через некоторое время он очнулся, сундука нет, он живой и говорит: «Значит, жизнь победила смерть неизвестным для меня способом» [«Сундук». 1937 г.]. Вот Вы, собственно, на это нам и указываете — что жизнь победит смерть неизвестным науке способом. И это хорошо. С самим Хармсом, правда, не получилось.

В. П. Мазурик

Вы знаете, у меня сегодня было ощущение дежавю. Мы когда-то говорили на очень похожую тему — на тему молодёжного языка¹⁸. Это ведь фактически то же самое. Это возвращает нас к этим же проблемам. Можно сколько угодно сокрушаться по поводу новой молодёжной коммуникативной системы или, наоборот, говорить, что молодёжь знает больше, чем знали мы, и т.д., но если не вдаваться в положительные или отрицательные оценки, честно мы можем констатировать только одно. То, что происходит на наших глазах, — это цивилизационный сдвиг, действительно очень быстрый, который мы ещё не можем понять, и не знаем, как и в какую сторону он будет развиваться. Надо думать не о том, хорошо это или плохо, а как практически с этим жить, работать и что придумать. И на ходу импровизировать, и очень быстро. У нас действительно времени очень мало.

А. Н. Привалов

Насчёт времени мало — это, пожалуй, правда.

Т. Г. Николенко, директор биологических программ ГК «РоснаноТех»

У меня такой вопрос: а мы что хороним в процессе, который идёт? Вот есть у нас некий цивилизационный сдвиг. А что мы хотим сохранить?

---

¹⁸ Заседание Никитского клуба «Современный русский: нормы и аномалии». 10 февраля 2010 г.

Николенко Т. Г.

Ведь обсуждение формата — глянec, не глянec; добротный новый или добротный старый; архитектура, живопись, скульптура, книга; тактильные ощущения, ридеры или сама книжка, — это же вторично, да? Мы что сохранить хотим, какие функции? Давайте всё-таки определим.

Несколько функций здесь было проговорено. Умение читать длинные тексты. Мне кажется, что многому, наверное, можно научиться и в других областях, книжки теперь бывают большими и по специальностям. Люди всё-таки научаются и становятся хорошими специалистами. Может быть, мы хотим получать явное и неявное знание, как здесь говорили, может быть, эмоциональную сферу будить. Может быть, образование; может быть, хотим эффективно получать информацию, — о поисковиках говорили. Может быть, если у нас меньше стали читать каких-то недоброркачественных вещей — ну и слава Богу, у нас ведь не план по валу, правильно? Мне хочется понять, а что нам самое главное нужно сохранить?

А. Н. Привалов

Вопрос-то, конечно, хороший. Если кто-нибудь возьмётся ответить, милости просим.

В. В. Бортко

Я вот тоже думаю, а что же мы хотим узнать, читая Толстого или ещё чего-нибудь? Мы не хотим узнать, мы хотим почувствовать: ему больно так же, как и тебе. Вот это, пожалуй, самое главное. И может быть, у Гоголя есть самые главные слова. И может быть, этот юноша когда-нибудь почувствует: ты — брат мой. Я имею в виду сейчас «Шинель». Я плохо её пересказал. Но смысл любого искусства в этом: ему больно так же, как тебе.

Т. Г. Николенко

Вы знаете, а если я своему ребёнку дам почитать «Реку Потудань»¹⁹ 36 минут в неделю — будет ли такой же эффект, если он будет читать семь дней подряд. Кстати, у меня дети читали с удовольствием не один раз «Войну и мир».

А. Н. Привалов

От 36 минут в неделю ни с «Рекой Потудань», ни с чем иным пользы не будет никогда.

Т. Г. Николенко

Я вопрос задаю: вот то или это? И где здесь граница?

А. Н. Привалов

Лев Александрович, пожалуйста.

Л. А. Аннинский

Поскольку мне объяснили, что я делаю доклад, несколько слов в заключение как докладчику. Я не согласен с тем, что два века литературоцентричной истории России связаны с Библией. Библия значительно раньше была сюда завезена, переведена. Два века — девятнадцатый и двадцатый — они как раз посередине-то переламывают эту религиозность в антирелигиозность. А всё равно всё это продолжается.

---

¹⁹ Реалистическая повесть Андрея Платонова, 1936 г.

Не в этом причина, а причина в том, что эти два века были ожиданием какой-то жуткой драмы, двумя мировыми войнами, ожиданием третьей. Вот эти два века. Двадцатый век-таки обозначил эти два века как жуткие, и есть причина в том, что произошло. При этом XIX век, вот смотрите, вроде бы войны нет, война через 100 лет поставит нас к стенке, и будем выкарабкиваться. Войны вроде нет, но как все ждут чего-то такого: «Буря бы грянула что ли!/ Чаша с краями полна»²⁰.

Но и дождались бури. И вся литература, которой мы гордимся, выковывала будущее смертников этой войны. И Ленин этой войны ждал, чтобы стать пораженцем, и Чернышевский, и все. «Кто виноват?». «Что делать?». Перепахали одного, перепахали другого. Будет ли дальше? Я вам сказал: если Россия опять влипнет в какую-нибудь жуткую ситуацию, не нужно будет искать, что почитать — Чудакову или что-нибудь другое. Как только услышите какое-то движение, почувствуете, вот там что-то есть, — там и прочтёте. А захочется чего-нибудь хорошего почитать, тоже найдёте. Не в этом дело. А дело в том, что если нам суждено опять влипнуть в какую-нибудь трагическую историю, — вот тогда мы снова станем литературоцентричной страной, а уж потом люди скажут: «Вы посмотрите, как хорошо они писали!» Да иначе выжить было нельзя, кроме как вот так хорошо писать.

А. Н. Привалов

Спасибо. Прошу Вас.

В. Л. Тамбовцев

Я просто хочу откликнуться на призыв нашего ведущего вернуться к заданной теме, а именно сказать что-то про ценности и литературу. Мне-то кажется, что эту историческую схему можно реконструировать следующим образом. До сих пор жив миф, что русские какие-то там общинные, ещё чего-то. Это неправда фактическая, поскольку многочисленные эмпирические исследования убедительно показали, что современный русский человек — индивидуалист до мозга костей. Каким он был 40 лет назад или 50 лет назад, я не знаю, поскольку исследований таких не велось. Век ушёл, а исследований не было в этом плане. Понятно, о чём речь идёт. Это было одиночное исследование, это была

---

²⁰ Н. А. Некрасов. Из стихотворения «Песня народного борца», 1868 г.

некая группа, но всё равно это было исследование в 60-е годы. А вот что касается 20-х годов прошлого века, в общем, этого не было, и жив миф об общинности, соборности. Если это правда, то гипотеза получается очень логичная и естественная.

У общинного человека есть так называемое общее знание. Значительная часть его контактов происходит с другими людьми на базе общего знания, и поэтому слой эмоциональных нужд, возникающих у человека, удовлетворялся по поводу представления о том, что мы одинаковые, у нас есть то ли там Бог, то ли там что-то ещё, — у нас есть что-то общее. А недостатки компенсировались, естественно, литературой. Нужды в передаче неявного знания не было, поскольку неявное знание существовало как фон, само по себе. Мы некая общность, и этим всё сказано, потребность удовлетворена.

Благодаря заслугам целого ряда разного рода властей на протяжении многих лет человек утратил это самое чувство общности, которое у него было, он стал естественным индивидуалистом, со всеми его позитивными, негативными и прочими чертами. У него нет возможности обладать общим знанием, стало быть, нужда в получении чего-то за счёт этого и всего прочего не удовлетворяется. А литература плохо передаёт неявные знания, и отсюда страсть к тем знаковым системам и соответственно к потреблению того содержания, которое через эти знаковые системы передаётся, которые не являются словесными, не связаны со словесным языком.

Вот очень простая гипотеза. Я просто не читал старую социологическую литературу, поэтому если социологи скажут, что там намерили полвека назад, то это будет сразу мгновенной проверкой высказанной гипотезы.

А. Н. Привалов

Виталий Леонидович, что такое сокровенное знание или неявное знание, или астральное знание, я не очень понимаю. А совместное знание — оно не книжное, это не литература. В русском языке совместное знание называется совесть: со-весть. Если его больше нет — плохо, что я могу сказать. Но мы сегодня не это обсуждаем.

В. Л. Тамбовцев

Нет. Это совершенно неправильно, это совершенно разные вещи. Причём здесь совесть? Совесть вообще явление индивидуальное. Я имею

в виду совсем не это. Общее знание — это то, что все знают, все уверены, что...

А. Н. Привалов

... все уверены, что воровать грешно.

В. Л. Тамбовцев

Нет. Вот этого как раз не было. Это чётко зафиксировано в исследованиях. Скажем, для русского купца существовало в этом смысле две морали: обманывать своего — плохо, обманывать чужого — ну, ребята, это же сам Бог велел.

А. Н. Привалов

Не только для русского, так везде было. Понятно, Виталий Леонидович, спасибо. Михаил Иванович, прошу Вас.

М. И. Москвин-Тарханов

Нужно попробовать вернуться в какое-то русло. Мы всегда говорим о литературоцентричности как, в общем, о двух явлениях — любовь к высокой литературе и явление утилитарного литературного подхода, утилитарного использования литературы со времён Чернышевского, Писемского. Абсолютно известно, что роман, по поводу которого император считал, что не надо препятствовать его распространению в силу низких качеств, произвёл колоссальное впечатление на образованную молодёжь. Да, «Что делать?». Император сказал, что это такая плохая книга, не надо препятствовать, пускай читают, она же очень скверно написана. Но вот результат. Потому что утилитарный подход к литературе.

Здесь очень правильно было вспомнено уважаемым коллегой о том, что были гигантские тиражи в 87–89 гг., поэтому никто не обращал внимания на художественное достоинство того, что было написано. Я первый не обращал внимания, я открывал, как было на самом деле: а вот это, вот это, а вот это... И делились все этим. Когда прошёл запал, выяснилось, что, собственно, художественная составляющая литературы, то самое искусство для искусства, не интересует почти никого.

Мы удивительная страна. Мы на самом деле страна, утилитарно любящая литературу на 95–97%, а оставшиеся 3% находят в ней художественное достоинство, находят в ней реминисценции, находят в ней полёт мысли, фантазии, всё прочее. То есть люди читают либо для пользы, либо для

развлечения, либо неизвестно почему. Вот те, которые читают неизвестно почему, — их в любой стране мало. И так же мало и у нас, так же немного во Франции, так же немножечко в Англии. А вот утилитарное использование литературы в качестве инструмента слома политического строя, влияния на власть, какого-то сплочения вокруг чего-то, — вот эту роль она у нас всегда выполняла. Теперь её выполняет Интернет, колумнисты. Теперь другая система, другая политическая машина. Она будет по-другому работать.

А. Н. Привалов

Я всё-таки хотел бы заметить, — только как реплика ведущего, никоим образом не спорю с последним выступающим, — мне-то казалось, что литературоцентричность — это не утилитарное использование беллетристических текстов и не любовь к изящной словесности, а нечто более глубокое. Это вопрос о том, что откуда растёт, — страна из книги или книга из страны. Это вопрос гораздо более глубокий и принципиальный. Как уж потом и кем эта книга используется, кто-то её под ножку хромого стола подкладывает, кто-то на неё молится, — это отдельный вопрос. Но что стоит в центре данного русского мира, я абсолютно согласен с господином Балдиным, конечно, это не страна, а мир, это уже почти общее место: он оттуда или это из него. Вот что, собственно, заключено в вопросе о литературоцентричности. А сколько там народу любит читать, это...

М. И. Москвин-Тарханов

Спасибо, извините, но в центре России стоит столб с короной в татарском халате, а вовсе не книга и не...

А. Н. Привалов

Первый из наших сегодня выступающих, Лев Александрович Аннинский, в одной из своих работ довольно давно написал совершенно чудесную фразу, что мы тут все помешаны на властях. Мы всё время галдим про власть. Ну сколько можно! Против них, за них.

Л. А. Юзефович, писатель, сценарист, историк

Буквально два слова. Мне хотелось бы ответить. Мне очень нравится пример о романе «Что делать?», который привёл Михаил Иванович. Мой сын женился год назад, и они с моей невесткой поехали отдыхать на Канарские острова. Невестка никакая не филолог и сын мой тоже, невестка работает в фирме, где делают линзы для глаз. И она взяла с собой

Юзефович Л. А.

книгу. Я её потом спрашиваю: «Оля, а ты брала с собой что-нибудь почитать?» Она говорит: «Да, я брала». Я спрашиваю: «А что?» Она говорит: «Чернышевского „Что делать?“». Я говорю: «Оля, а зачем ты брала эту книжку, что такое?». А она мне говорит: «Знаете, Леонид Абрамович, там очень хорошо описано, как женщине создать свой бизнес». И я подумал, что жива великая русская литература, хотя Лев Александрович что-то имеет против этой книги. Да, она плохая. Но если эту книгу, великую русскую литературу ещё читают с утилитарными целями, ну, что ещё можно желать!

А. Н. Привалов

Совершенно замечательно. Я бы даже попросил высокое собрание на этом абсолютно оптимистическом высказывании закончить, если бы не было обещано слово ещё одному выступающему. Кирилл Фокин — прошу.

Фокин К. В.

К. В. Фокин

Благодарю Вас. Я студент исторического факультета МГУ. И в связи с этим у меня довольно свежий букет впечатлений о том, как в школе преподают литературу, вообще, как молодое поколение читает, что оно хочет читать.

Мне бы, конечно, очень хотелось вам всем сказать, что на самом деле то, что молодые люди не умеют читать длинные тексты, это неправда. Хотелось бы сказать то, что они все умеют эпически мыслить и выстраивать сложные картины и читают действительно хорошие книги. Но, к сожалению, я такого сказать не могу. Но в связи с этим мне хотелось бы всё-таки попробовать выстроить эту эпическую картину и сказать всего лишь одну вещь.

По-моему, Владимир Владимирович Бортко очень правильно сказал, что Россия, хотя и литературоцентричная страна, но очень хорошие книги

были и в других странах. И в принципе, мировая литература, по-моему, гораздо более центрична в общемировом плане. Она имеет очень большое значение для нас, особенно в контексте глобализации мира. И мне бы очень хотелось услышать, как литературоцентричность России проявляется сегодня в этом контексте, когда Россия, не хочу говорить громкое слово «интегрируется», но взаимодействует с культурой иных стран — с западной культурой и с восточной культурой, взаимодействующих между собой в рамках общего культурного пространства, называемого глобальным миром.

Понятно, что русская литература сегодня — это литература не уровня Толстого или Достоевского, но, по-моему, это не так плохо, потому что всё меняется, и мы меняемся с временами. И в конце концов, если общество, если люди, ради которых пишут писатели и ради которых снимают режиссёры, хотят чего-то более простого, чем Лев Николаевич Толстой и Фёдор Михайлович Достоевский, то, может быть, не стоит им навязывать в очередной раз страдания и страшные душевспасительные муки, а просто подождать, пока они сами потянутся к чему-то более высокому, чем потребление, которое тоже, на мой взгляд, важно, потому что без него нам всем будет очень плохо.

А. Н. Привалов

Кирилл Валерьевич, я очень рад, что дал Вам слово в конце заседания. Вы практически блестяще поставили все точки над «i»!

Несколько слов на правах ведущего, буквально несколько слов. Мы в ходе нашего обсуждения, как всегда по касательной, по диагонали затронули огромное количество самых разных вопросов, каждый из которых стоило бы доспорить, но, наверное, не в этом дело. Дело в том, что какую-то общую картину мы друг другу показали. Несколько замечаний вот какого рода.

Мы стали какими-то фетишистами. Ну что мы всё время с придыханием говорим «Интернет». Что такое Интернет? Новый телеграф, ничего особенного. Среди тех, кто когда-то изучал математику, в начале двухтысячных годов был популярен великолепный анекдот. Кто не изучал математику, поверьте мне на слово. Людям, которые приходили изучать теорию вероятности, непременно на первом же уроке говорили, что вот если посадить маргышку за пишущую машинку, то через какое-то время она напечатает «Войну и мир». Так вот после изобретения Интернета мы твёрдо знаем, что это неправда, потому что миллионы маргышек сидят за клавиатурами круглые сутки — никакой «Войны и мира».

Концепция Интернета 2.0, когда якобы контент будет порождать пользователь, давно себя исчерпала, об этом стыдятся друг другу сказать. Пользователь, массы ничего не порождают. Они только потребляют. Это пора бы знать взрослым людям. Это первое.

Второй миф, о котором мы все друг другу говорим с непресекающимся удовольствием. Это миф о глобализации. Ребята, поезд ушёл, глобализация закончилась! Сейчас идёт прямо обратный процесс. Он называется регионализация, кто ещё не выучил. И в этом смысле тема, которую мы сегодня обсуждали, очень скоро приобретёт жизненно важное значение.

Я совершенно не шучу и не гиперболизирую по своей колумнистской привычке. Это будет действительно жизненно важно, потому что, кто выиграет в ходе регионализации, — неизвестно. Известно, кто проиграет. Проиграют те, кто без центра, проиграют те, кто без опоры на что-то большее их самих. Литература в России играла эту роль два столетия. Когда-то лучше играла, когда-то хуже играла, когда для более толстого слоя населения, когда для менее толстого слоя населения, но играла именно она. Но либо мы это возвращаем, либо придумываем новый сорт опоры. Времени мало, надо придумывать быстрее.

И напоследок абсолютно затёртая цитата, но её нельзя не сказать. Господа, книга — это не произведение полиграфического искусства. Книга — это не источник давно забытых тактильных ощущений. Книга, господа, это «кубический кусок дымящейся совести» [Б. Пастернак].

Спасибо!

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте». Выпуск 59

«Россия — литературоцентричная страна?» — М., 2013. — 68 с.

Вопрос о литературоцентричности России, поставленный в названии темы заседания Никитского клуба, — вопрос о культуре России. Почему литература, и почему именно в России она имела/имеет культуuroобразующее значение? Замечательные писатели, также как и замечательная литература есть и в других странах, однако ей не приписывается такая роль.

В данном случае не так важны факты, известные как «упрямая вещь», на которых построен терминологический спор по поводу литературоцентричности или нелитературоцентричности. В рассуждениях о значении литературы для культуры России приходится иметь дело не только с фактами, «но еще более с теми общностями, без которых нельзя понять и самих фактов» (А. Ф. Лосев). Такого рода общность русской культуры в концентрированной форме передана в словах писателя (Б. Л. Пастернак): «Книга есть кубический кусок горячей дымящейся совести — и больше ничего», которые напомнил в завершение обсуждения ведущий заседания Александр Привалов.

ББК 83.3(2=411.2)52-6

Никитский клуб

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 59

«Россия — литературоцентричная страна?»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева

Фото ММВБ

Вёрстка М. Ю. Иванюшин

Подписано в печать 29.04.2013.

Формат 70x100/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Гарамон».

Заказ 09926. Тираж 250.

Отпечатано в ОАО «Московская Биржа».

125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 13

© Московская Биржа, 2013

© Никитский клуб, 2013